

✦ БОГИ и ВОИНЫ ✦

КНИГА 1

БЕГЛЕЦЫ

От автора мирового бестселлера «Брат мой Волк»!

МИШЕЛЬ ПЕЙВЕР

Боги и воины

Мишель Пейвер

Беглецы

«Азбука-Аттикус»

2012

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-445

Пейвер М.

Беглецы / М. Пейвер — «Азбука-Аттикус», 2012 — (Боги и воины)

ISBN 978-5-389-20689-2

Древняя Греция, бронзовый век – эпоха богов, воинов и магии. Юный пастух Гилас – подкидыш, не знающий, откуда он родом. У него пропала сестра, погиб его верный пес, и теперь по пятам за ним идут убийцы, таинственные черные воины. Спасая свою жизнь и пытаясь найти сестру, Гилас отправляется в опасное путешествие через горы и моря. Его единственные спутники – богатая девочка по имени Пирра, сбежавшая из дому, но совершенно не приспособленная к жизни в реальном мире, и одинокий дельфин, потерявший свою стаю. Чтобы выжить, Гилас должен не только найти ответ на вопрос, почему его преследуют враги, но и разгадать загадку случайно попавшего к нему бронзового кинжала. Впервые на русском!

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-445

ISBN 978-5-389-20689-2

© Пейвер М., 2012
© Азбука-Аттикус, 2012

Содержание

1	9
2	12
3	18
4	22
5	28
6	33
7	35
8	39
9	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Мишель Пейвер

Беглецы

© А. Д. Осипова, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа "Азбука-Аттикус"», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

1

Древко было черное, с вороньим оперением, а наконечника не видно – тот скрывался под кожей. Придерживая стрелу, чтобы не раскачивалась, Гилас полез вниз по склону. Вытаскивать ее не было времени: черные воины где-то рядом. Беглеца терзала жажда, от усталости путались мысли. Солнце палило нещадно, но укрыться было негде: вокруг одна колючая поросль. Гилас боялся, что на голом месте его заметят. Но еще сильнее мучила тревога за сестру и мысли о гибели Брыся – не верилось, что его больше нет.

Найдя тропу, ведущую к подножию Горы, Гилас осмелился перевести дух. Вокруг громко стрекотали сверчки. По ущелью разнесся клич сокола. Погони не слышно. Неужели оторвался?

Случившееся не укладывалось в голову. Накануне вечером они с Исси устроились на ночлег в пещере под западным пиком. И вот теперь сестра неизвестно где, собака мертва, а сам он бежит от врагов, спасая жизнь. Тощий мальчишка, у которого при себе ни ножа, ни даже одежды – только на шее шнурок с амулетом, покрытым сажей.

Рука болела невыносимо. Стараясь держать древко ровно, Гилас с трудом подобрался к краю обрыва. Камешки посыпались в реку, бежавшую далеко-далеко вниз. Стены ущелья такие отвесные, что верхушки сосен покачиваются прямо у его ног. Перед ним, насколько хватает глаз, тянутся Ликонианские горы, а за спиной сверкает на Солнце заснеженная вершина самой могучей из всех – Ликаса.

Гилас подумал о деревне на дне ущелья и о друге Теламоне в крепости вождя, построенной на другом склоне горы. Что, если черные воины сожгли деревню и атаковали Лапитос? Но тогда почему не видно дыма и никто не трубит в бараний рог, возвещая о нападении? Почему вождь и его воины не бьются с врагами?

Рана не дает покоя, мешает идти. Дольше тянуть нельзя. Гилас сорвал пучок тимьяна, отщипнул пушистый серый лист чистеца для повязки. На ощупь лист мясистый и мягкий, как собачье ухо. Гилас нахмурился. Нет, про Брыся думать нельзя.

Перед самым нападением они были вместе. Пес, весь облепленный репьями, прижался к хозяину. Гилас сорвал с лохматой шерсти пару колючек, потом отпихнул морду Брыся и велел приглядывать за козами. Тот потрусил прочь, виляя хвостом и оглядываясь на хозяина, будто хотел сказать: «Свое дело знаю. На то я и пастушья собака».

«Не думай о Брысе», – приказал себе Гилас.

Стиснув зубы, ухватился за древко. Набрал полную грудь воздуха. Рванул. От нестерпимой боли чуть не потерял сознание. Кусая губы, он раскачивался взад-вперед, пока перед глазами не улеглись красные волны. «Где ты, Брысь? Почему не можешь прийти илизать мою рану?» Морщась, он сдавил тимьян в кулаке и прижал его, пустивший сок, к больному месту. Трудно было накладывать повязку одной рукой, но, помогая зубами, Гилас наконец закрепил лист жгутом из пучка травы.

Стрела лежала в пыли – там, где он ее бросил. Формой наконечник напоминает лист тополя – основание широкое, кончик заостренный. Раньше Гилас таких не видел. Жители Гор используют кремь, кто побогаче – бронзу. Но этот изготовлен из необычного материала – блестящего черного обсидиана. Такой осколок Гилас видел только у деревенской знахарки. Та говорила, что это кровь Матери, извергнутая из огненных недр и превратившаяся в камень. Рассказывала, что этот камень из-за Моря, с далеких островов.

Кто же эти черные воины? Почему гонятся за Гиласом? Он им ничего не сделал. Что, если они поймали Исси?..

За спиной, хлопая крыльями, взмыли голуби. Гилас обернулся. Тропа круто спускалась, скрываясь за уступом. И вот из-за него показалось облако красной пыли. Донесся топот ног и

постукивание стрел в колчанах. Сердце так и замерло. Вернулись! Гилас сполз с края тропы, ухватился за молодое деревце и повис, будто летучая мышь.

Пальцами ног Гилас нащупал каменный карниз. Переступая по нему, укрылся под нависающим выступом. Мальчик уткнулся лицом в корень дерева. Повернул голову, глянул вниз. Лучше бы он этого не делал. Увидел верхушки деревьев, и сразу закружилась голова.

Воины стремительно приближались. До Гиласа донеслось поскрипывание кожаных доспехов, едкий запах пота и еще чего-то горького, тошнотворно знакомого. Этот же запах Гилас учуял ночью. Тела воинов покрывал слой сажи.

Каменный навес скрывал его от преследователей, но слева тропа делала изгиб, и оттуда убежище Гиласа хорошо просматривалось. Он слышал, как враги пробежали мимо. На повороте сквозь пелену красной пыли Гилас увидел их – в черных доспехах из жесткой сыромятной кожи, вооруженных копьями, кинжалами, луками. За спиной развеваются длинные плащи, черные, будто вороньи крылья, лица под шлемами серы от пепла. Вот один что-то прокричал. Гилас затаил дыхание. Воин стоял прямо у него над головой. Остальные развернулись и устремились обратно. К Гиласу...

Тут камешки захрустели под чьими-то неспешными шагами. Гилас догадался, что это их главарь.

– Смотрите, – сказал тот, что позвал всех обратно, – кровь.

Гилас похолодел. Избавляясь от стрелы, он оставил следы. Мальчик застыл как статуя. Главарь не произнес ни слова. Воина, похоже, напугало затянувшееся молчание.

– Должно быть, это кровь пастуха, – торопливо предположил он. – Ты хотел взять его живым. Прости.

Ответа все не было.

По бокам Гиласа ручьями струился пот. Вздвогнув, он вспомнил, что в пыли лежит стрела. Оставалось молиться, чтобы преследователи ее не заметили.

Вытянув шею, мальчик увидел, как мужская рука ухватилась за валун на краю тропы. Кисть сильная, однако кажется неживой: кожа покрыта сажой, ногти черные. Доспех на предплечье темно-красный, цвета заходящего Солнца, и такой яркий, что больно смотреть. Гилас знает, что это за металл, хотя ни разу не видел его вблизи. Бронза.

Гиласу в глаза посыпалась пыль, но он не осмеливался моргать. Двое мужчин стояли так близко, что он слышал их дыхание.

– Убери, – произнес вождь.

Голос напомнил беглецу о холодных пещерах, куда никогда не проникает Солнце.

С тропинки сбросили что-то тяжелое. Чуть не задев Гиласа, оно упало на терновое дерево и застряло в ветвях на расстоянии вытянутой руки. Разглядев, что это, Гилас еле сдержал рвотный позыв. Это был мальчик, но теперь, залитый черной кровью, с вывалившимися синими внутренностями, напоминавшими гнездо червей, он едва походил на человека.

Гилас знал его. Мальчика звали Скирос. Они не дружили, просто оба пасли коз. На несколько лет старше, беспощаден в драке. Гилас ощущал, как разгневанный дух рвется на свободу. Если он заметит мальчика, если проскользнет ему в глотку...

– Все, никого не осталось, – произнес воин.

– А девчонка?

У беглеца замерло сердце.

– Не стоит из-за нее беспокоиться. Подумаешь, какая-то...

– А второй мальчишка? Тот, что убежал?

– Я его подстрелил. Далеко не уйдет.

– Значит, разделались не со всеми, – холодно заметил главарь. – Мальчишка еще жив.

– Нет.

В голосе звучал страх.

Раздался хруст камешков: воины пошли дальше. Гилас молился: только бы больше не задерживались. На повороте вожак остановился. Поставил ногу на камень. Перегнулся через край, еще раз оглядывая ущелье.

Он больше напоминал Гиласу некое темно-красное чудовище. Ножные латы защищают мощные голени, короткая черная юбка из сыромятной кожи выглядывает из-под панциря. Нагрудник из чеканной бронзы, массивные наплечники... Лица нет: между металлическим нашейником, закрывающим нос и рот, и шлемом, покрытым черными пластинами, выточенными из кабанийх клыков, виднеется лишь узкая щель для глаз. Боковые щитки из металла закрывают щеки, сверху возвышается гребень из черного конского волоса. Только толстые косы, змеями сползающие по плечам, выдают в вожаке человеческое существо. Воины заплетают их туго, чтобы защищали от удара клинка.

Гилас понимал: нельзя, чтобы главарь почувствовал его взгляд. Но, зная, что невидимые глаза осматривают все вокруг, ищут его, Гилас не мог не глядеть на щель, за которой они скрывались.

Вот бронзовый человек повернул голову, окинул взглядом реку. «Сделай что-нибудь! – велел себе Гилас. – Отвлеки его, а то сейчас оглянется и увидит тебя...» Стараясь удержаться на карнизе, Гилас осторожно разжал руку, цеплявшуюся за молодое деревце, и потянулся к телу Скироса. Толкнул труп. Тот дернулся, будто не желал, чтобы его трогали. А вожак между тем скользил глазами совсем рядом с беглецом. Вытянувшись в струну, Гилас толкнул еще раз. Скирос упал и, подсакивая, покатился по склону.

– Глядите, – рассмеялся один, – удирает!

Остальные захохотали. Не смеялся только главарь. Проводив взглядом тело, отошел от края.

Пот заливал Гиласу глаза. Звуки шагов удалялись. Тут мальчик заметил, что молодое деревце вот-вот сорвется под его тяжестью. Хотел ухватить древесный корень, но промахнулся.

2

Гилас то летел вниз, то скатывался по склону, наконец его выбросило на берег реки. Сверху градом посыпались камешки – но уж лучше они, чем стрелы. Приземлившись, Гилас угодил лицом прямо в куст колючего дрока, но даже не дернулся. Он помнил, что охотники прежде всего реагируют на движение. Похоже, Гилас отделался синяками и царапинами. Кости целы, амулет на месте.

Над головой жужжат мухи, спину жжет Солнце. Гилас отважился поднять голову и огляделся по сторонам. Черных воинов не видно. Зато чуть выше на склоне он заметил Скироса. Вернее, то, что от него осталось. Кишки повисли на камнях, будто сохнувшие на солнце рыболовные сети. Над телом уже кружат стервятники. Голова вывернута лицом вверх, словно он пытается их рассмотреть. Духу Скироса трудно будет перейти в иной мир без помощи, но задерживаться, чтобы похоронить тело и исполнить ритуалы, слишком опасно.

– Прости, Скирос, – вполголоса произнес Гилас. – Закон выживания. Не помогай тем, кто не поможет в ответ.

Над рекой нависают кроны ив и каштанов. Наконец-то есть где укрыться. Доковыляв до мелководья, Гилас рухнул на колени и стал жадно пить. Побрызгал на себя водой, морщась, когда холодные капли попадали на разгоряченную, расцарапанную кожу. Мельком глянул на свое изломанное отражение. Узкие глаза, губы сжаты в тонкую нитку, свисающие длинные волосы.

Влага придала сил. В первый раз после нападения у Гиласа появилось время подумать. Нужно раздобыть еду, одежду и нож. Но главное – добраться до деревни. Исси сообразит, что там безопасней всего. Наверное, сестра уже дома. «Не наверное, а точно», – сурово поправил себя Гилас.

По ущелью разнесся клекот стервятников. Скирос скрылся под шевелящимся клубком из лысых шей и запыленных крыльев. Только бы дух пастуха не увязался за Гиласом! Поспешно сорвав пригоршню листьев черемши, мальчик разбросал их по берегу. Пищей духам служат запахи съестного – чем сильнее, тем сытнее.

Гилас побежал берегом реки. Он чувствовал, что деревья и камни наблюдают за ним. Вдруг выдадут? Гилас вырос в этих горах, изучил все секретные тропы и повадки зверей: вот так кричит ястреб, а это раскатистое львиное «р-р-ра». Помнил, от каких иссохших русел надо держаться подальше, потому что в них водятся Злобные.

Но теперь все перевернулось с ног на голову.

Главарь сказал – «разделались не со всеми». Знает, что Гилас жив. Понять бы, что он имел в виду. С кем – «не со всеми»? Вдруг Гиласа осенило: а ведь Скирос не просто пастух. Он еще и Чужак. И Гилас Чужак. Исси тоже. Все трое родились не в деревне. Староста Нелеос подобрал их, совсем маленьких, на Горе и приставил к делу. Летом дети пасли коз в горах, зимой ухаживали за стадом в долине.

Но чем воинам помешали Чужаки? Непонятно. До Чужаков никому нет дела, они низшие из низших.

Между тем Солнце клонилось к закату, тени на стенах ущелья все удлинялись. Вдалеке нервно лаяла собака. Как будто Гиласу без того тревог мало!

Мальчик остановился под деревом, возле жертвенного треножника из глины – на него возлагают подношения для бога Горы. Столешницу покрывала заплесневелая заячья шкура; Гилас схватил ее и обвязал вокруг бедер. На него пристально глядела ящерица. Гилас пробормотал извинения: вдруг это дух в животном обличье?

Наготу беглец прикрыл, пора решить другую проблему: от голода кружится голова. В начале лета инжир искать рано, зато на бегу Гилас сорвал несколько погрызенных мышами ягод

земляники. Заметил терновый куст – кладовую сорокопута. Птица насадила на колючки трех сверчков и воробья. Мальчик мимоходом извинился перед сорокопутом, сунул всю добычу в рот и с жадностью съел, выплевывая птичьи перья и куски панциря сверчка.

Вот показались поля на террасах, вырубленных прямо в склонах, и оливковые роши. Самое время убирать ячмень, но жнецов не видно. Должно быть, прячутся в деревне – если, конечно, черные воины не сожгли ее дотла.

Однако нет, все дома целы. Гилас облегченно вздохнул. Смущает только неестественная тишина. Хижины из глинобитного кирпича, будто напуганные овцы, жмутся друг к другу за колючими изгородями. Пахнет дымом очагов, но голосов не слышно. В обычное время ослы бродят между домами, а свиньи ищут объедки. А сейчас – ни одного животного. И ворота духов заперты. Створки покрашены красной охрой, к поперечине привязаны рога буйвола, с них смотрит вниз Предок. Теперь он живет в теле сороки, но в том, что это Предок, сомневаться не приходится. Впрочем, Гилас с ним в родстве не состоит.

Мальчик рассыпал по земле украденные с поля зерна ячменя, но Предок не принял подношение. Знает, что Гиласу тут не место. Ворота духов для того и поставили, чтобы защищать деревню от любых опасностей, в том числе и от Чужаков.

Вот створки приоткрылись. Показались чумазные лица. Гилас знает местных жителей всю жизнь, но сейчас они глядят на мальчика недобро, как на непрошеного гостя. Некоторые держат горящие факелы из стеблей гигантского фенхеля. Все вооружены – кто топором, кто серпом, кто копьем.

За ворота с неистовым лаем выбежали собаки и кинулись к Гиласу. Их вожак по кличке Клык – овчарка, но размером с хорошего кабана. По команде вгрызается в глотку любому, на кого покажут. Пес застыл как вкопанный – шерсть дыбом, голова угрожающе наклонена, немигающий взгляд устремлен на мальчика. Клык знает: в деревню Гиласу вход заказан.

Тот не дрогнул. Пятиться нельзя, иначе собака нападет.

– Впустите! – крикнул мальчик.

– Зачем пришел? – прорычал староста Нелеос. – Кто тебе позволил спуститься с Горы и оставить моих коз?

– Дайте пройти! Где Исси?

– Понятия не имею. С чего ты взял, будто она здесь?

Гилас опешил.

– Но... где же она тогда?

– А мне-то какое дело? Убили ее!

– Врешь! – выпалил Гилас, едва сдерживая страх.

– Коз моих бросили! – взревел Нелеос. – Без них твоя сестрица не посмеет сюда сунуться! И ты проваливай, а то шкуру спущу!

– Исси скоро прибежит. Пропустите! За мной гонятся!

Нелеос прищурился, почесал бороду мозолистой рукой. Как и у всех крестьян, ноги у него кривые, а плечи бугристые. Еще бы, нелегко таскать ярмо. Однако староста хитер как лиса и всегда прикидывает, как бы получить побольше выгоды, затратив поменьше усилий. Гилас понимал: Нелеосу хочется наказать его за брошенное стадо, но от живого пастуха больше пользы, чем от мертвого.

– Какие-то люди убили Скироса, – для верности прибавил Гилас. – И меня хотят убить. Уж по такому-то случаю можно нарушить правила!

– Нелеос, гони пастуха в шею! – визгливо прокричала какая-то женщина. – Зачем ты только подобрал этого Чужака? Одни неприятности от парня!

– Собак на него натрави! – подхватила другая. – Пока из-за одного сопляка всю деревню не перебили!

– Она дело говорит! Видно, мальчишка что-то натворил, раз за ним гонятся.

– Кто они такие? – спросил Гилас. – Почему преследуют Чужаков?

– Кто их знает? Да и какая разница? – прорычал Нелеос.

Но Гилас заметил, какой испуганный у старосты взгляд.

– Вроде пришли откуда-то с запада, охотятся на Чужаков. Ну и ладно! Пускай делают что хотят, лишь бы нас не трогали!

Деревенские поддержали речь одобрительными выкриками.

Гилас облизнул губы:

– А как же закон об убежище? Вы обязаны впустить человека, которому угрожает опасность!

Нелеос примолк в нерешительности. Но потом его лицо посуровело.

– На Чужаков закон не распространяется, – бросил он. – А теперь уходи, пока цел, с собаками шутки плохи!

Скоро стемнеет, а идти некуда.

«Ну и пусть, не очень-то и хотелось! – злился Гилас. – Не нужна мне ваша помощь, сам справлюсь!»

Через сосновую рощу он подошел к окраине деревни. Там никого – все толпятся возле ворот духов. Все думают, будто Гилас ни разу не бывал в деревне – что ж, тем хуже для них. Чужакам трудно прожить без воровства.

Гилас проскользнул через зазор в терновой изгороди и подкрался к ближайшей хижине. Там живет хитрая старая вдова по имени Тиро.

В очаге горел огонь, и в дымном красном полумраке Гилас опрокинул блюдо с молоком для ручной змеи. В углу на кровати валялась груда тряпья, и вдруг эта груда закричала.

Гилас застыл. Потом осторожно снял с крючка копченый свиной окорок. Хозяйка повернулась и захрапела. Гилас стянул свисавшую со сваи тунику, а сандалии брать не стал: летом он привык ходить босиком. Тут Тиро опять закричала. Мальчик поспешил к выходу, по пути поставив на место плوشку. Известно, что змеи все друг дружке рассказывают: прогневишь одну – станешь врагом для всех.

Соседняя хижина принадлежит Нелеосу. Там, к счастью, никого не оказалось. Гилас схватил бурдюк, ремень из сыромятной кожи и плетеный травяной мешок, куда сунул круг кровяной колбасы, сыр из овечьего молока, лепешку и пригоршню оливок. Перед уходом глотнул из кувшина с вином, потом сыпанул туда пепла. Наконец-то подвернулся случай отомстить старосте. Сколько раз Нелеос его порол!

Голоса зазвучали ближе, ворота духов со скрипом закрылись. Гилас улизнул тем же путем, каким проник в деревню, и только потом сообразил, что забыл захватить нож.

Взошла Луна, застрекотали ночные сверчки. Гилас добрался до тенистой рощи миндальных деревьев, торопливо натянул тунику и подпоясался ремнем.

Несколько припозднившихся пчел с жужжанием кружили вокруг ульев. Тут Гилас заметил в траве жертвенный треножник. Надеясь, что все твари, посланные сюда богами, уже насытились, мальчик сунул в рот два пирожка с медом и гороховый блин с вкусной начинкой из лапши, сушеного окуня и крошеного сыра. Оставив чуть-чуть пчелам, мальчик попросил их присмотреть за Исси. Пчелы что-то прожужжали в ответ – то ли согласились, то ли отказались, Гилас не понял.

Сюда Исси точно не приходила, иначе съела бы блин. Что делать – ждать Исси здесь или попробовать добраться до Лапитоса? Может быть, она отправилась туда, к Теламону? Но Лапитос по другую сторону Горы. Ни Гилас, ни Исси там не бывали. Брат и сестра знают об этом месте только по отрывочным рассказам Теламона.

Где-то до сих пор лаяла собака – та самая, которую Гилас слышал по пути к деревне. Лай звучал удрученно: видно, собака уже не надеялась дожидаться людей. Вот бы поскорее замолчала. Гавканье напоминало о Брысе. Гилас запретил себе думать о нем, мысленно выстроив стену вокруг всех страшных воспоминаний.

В горах после заката холодает быстро. Мальчика знобило даже в тунике из грубой шерсти. За день он совсем измучился. Надо уйти подальше от деревни и поискать место для ночлега.

Но скоро Гилас обратил внимание: собака больше не лаяла. Теперь она завывала – протяжно, возмущенно. Беглец пошел на звук.

Размером собака поменьше Брыся, но такая же лохматая. Хозяин привязал ее к дереву возле шалаша из сосновых веток и оставил миску воды, но та давно опустела. При виде Гиласа напуганный молодой пес обезумел от радости. Рвась с привязи, поднялся на задние лапы. У Гиласа сжалось сердце. Перед глазами встала картина: Брысь лежит мертвый, со стрелой в боку.

Пес бодро лаял и вилял хвостом.

– Заткнись! – рявкнул Гилас.

Тот склонил голову набок и заскулил.

Гилас поспешно развязал бурдюк, плеснул в миску. Бросил псу колбасы. Тот быстро проглотил и то и другое, потом сбил Гиласа с ног и лизнул в щеку. Мальчик зарылся лицом в мех, вдохнул теплый собачий запах. Всхлипнув, оттолкнул пса и отполз в сторону.

Собака мотала хвостом и умоляюще поскуливала: «У-у-у».

– Не могу я тебя освободить, – сказал Гилас. – Увяжешься следом – меня поймают!

Животное жалобно глядело на мальчика.

– Ничего с тобой не случится. – Гилас попробовал его успокоить. – О тебе позаботились, оставили воды – значит, скоро вернутся.

Гиласу самому хотелось бы в это верить. Взять пса с собой нельзя: черные воины идут по следу, а собака может выдать. Животному не объяснишь, что хозяин прячется. Но вдруг его убьют? Расправились же с Брысем.

Приняв решение, Гилас схватил миску, отвязал собаку и потащил за собой. Когда подошли ближе к деревне, привязал ее к другому дереву, налил воды и ослабил веревку на шее.

– Все будет хорошо, – прошептал Гилас. – Здесь тебя наверняка увидят.

Мальчик зашагал прочь. Собака села и тихо заскулила, глядя ему вслед. Гилас обернулся. Пес вскочил. Теперь в его поскуливании слышалась надежда. Гилас стиснул зубы и бросился бежать.

Луна пряталась за облаками, и скоро он сбился с пути. Бурдюк и мешок с едой казались все тяжелее. Наконец на лесистом склоне холма Гилас наткнулся на каменную хижину. Прислушался – тихо. Должно быть, заброшенное жилище.

Пригнувшись, мальчик пробрался внутрь через низкий дверной проем. Под ногами захрустели черепки. Внутри холодно, пахнет сырой землей и мертвечиной: видно, какой-то зверь пришел сюда умирать. Но ночевать в хижине лучше, чем под открытым небом.

В темноте Гилас сел у стены и съежился. От него пахло псиной. Гилас вспомнил последние минуты с Брысем. Мальчик оттолкнул его морду. Но почесал ли за ушами? А под передней лапой? Брысь это любил. Гиласу не верилось, что он никогда больше не увидит любимого пса. Брысь не прижмется к нему теплым мохнатым боком. Не разбудит, тыкая усатой мордой в лицо.

Гилас открыл бурдюк, глотнул воды. Развязал мешок, нашел оливки. Руки затряслись, оливки выпали. Попытался подобрать, но никак не мог нащупать. Стена в голове рухнула. Воспоминания хлынули наружу.

Они с Исси остановились на ночлег в пещере на западном пике. Исси пошла выкапывать корни златоцветника, а Гилас тем временем освежевал белку и оставил жариться на огне.

– Сбегаю на речку, окунусь, – предупредил он. – Смотри, чтобы белка не подгорела.

– Когда это у меня белки подгорали? – возмутилась сестра.

– Да позавчера!

– Неправда!

Не ответив, Гилас зашагал по тропинке.

– Вовсе она не сгорела! – прокричала Исси вслед брату.

На берегу горного потока Гилас положил на камень нож и рогатку, стянул через голову тунику и медленно вошел в воду. Тут с вершины донесся клич сокола. Гилас мимоходом подумал – вдруг это какой-то знак? И тут Брысь яростно залаял. «Возвращайся! Беда! Беги скорее!» Потом закричала Исси. Тунику надевать некогда. Схватив нож, Гилас понесся обратно. Медведь, волк, лев? Что так напугало Исси?

От пещеры доносятся мужские голоса. Говорят вполголоса, напряженно. Гилас уловил горький запах сажи. Юркнул за куст можжевельника, выглянул из зарослей. Четыре козы лежат на земле зарезанные, остальное стадо разбежалось. Воины – настоящие воины! – обыскивают место стоянки. Тут Гилас с ужасом заметил знакомый лохматый мех, облепленный репьями, и крупные сильные лапы. Из бока Брыся торчит стрела. Потом Гилас нашел взглядом Исси – та прячется в пещере, от потрясения в худеньком личике ни кровинки.

Нужно что-то предпринять, пока ее не нашли. Рогатка осталась на камне. Под рукой только кремневый нож, но какой от него прок? Разве может мальчишка, только встретивший двенадцатое лето, одолеть семерых мужчин, вооруженных до зубов?

Гилас выскочил из куста и крикнул:

– Я здесь!

Преследователи с лицами, серыми от сажи, обернулись.

Петляя между деревьями, Гилас уводил воинов от сестры. Мальчик не рискнул ее окликнуть, но Исси девочка умная, наверняка догадалась убежать. Засвистели стрелы. Одна вонзилась Гиласу в руку. Он вскрикнул, выронил нож...

В темной хижине мальчик обнимал колени и раскачивался взад-вперед. Хотелось буйствовать, орать, выть. Почему черные воины напали? Гилас, Исси и Брысь ни в чем перед ними не провинились.

Глаза защипало. В горле стоял ком. Злясь на себя, Гилас попытался успокоиться.

Слезам Брыся не вернуть. Надо не плакать, а искать Исси.

– Не буду реветь, – вслух произнес он. – До слез им меня не довести.

Сдерживая плач, Гилас оскалил зубы и ткнул кулаком в стену.

Его разбудил лунный свет, проникший в хижину через дверной проем. Гилас не сразу сообразил, где проснулся. Некоторое время лежал на боку, борясь со страхом. Потом все вспомнилось и стало еще хуже.

«Как только рассветет, – сказал себе Гилас, – пойдешь в Лапитос искать Теламона. Исси наверняка у него. Даже если нет, ты ее все равно найдешь. Исси умеет за себя постоять и знает горы. Не пропадет». Гилас не позволил себе думать о том, что Исси может быть мертва.

Когда глаза привыкли к темноте, он заметил возле входа что-то похожее на глиняную жаровню. На ней высилась горка обугленных костей. Рядом лежал разбитый кремневый нож и

ряд стрел, каждая сломана ровно пополам. Гилас забеспокоился. Сел. Так обычно поступают только в одном случае.

У противоположной стены на спине лежит мертвец. Лицо прикрывает ткань, но по некрашеной тунике и мозолистым ступням Гилас догадался, что этот человек был крестьянином. Наверное, его родные колебались – то ли бежать от черных воинов, то ли задабривать рассерженный дух умершего. Но пренебрегать ритуалами не стали. Уложили покойного на тростниковую циновку вместе с копьем и серпом. Перед этим, конечно, убили оружие, разломив на две половины, чтобы дух мог им пользоваться. По той же причине разбили его чашку и миску и задушили собаку. Она лежит рядом, готовая следовать за хозяином в мир иной. Похоже, крестьянин зажиточный – в дальнем углу усадили тело раба. Как и собаку, его убили, чтобы прислуживал хозяину на том свете.

«Гробница», – понял Гилас. Нашел куда залезть! Мог бы раньше догадаться. Вот почему жители деревни оставили подношение возле ульев – чтобы пчелы тоже помянули умершего. А открытой гробницу оставили, чтобы дух из нее вышел.

Мальчик нарушил все законы. Надо было подойти с запада, прижав кулак ко лбу, и попросить у Предков разрешения войти. Затаив дыхание, Гилас потянулся за вещами.

Вдруг мертвый раб в углу открыл глаза и уставился на мальчика.

3

Покойник, как и подобает недавно умершему, синюшно-бледен. Глаза поблескивают в лунном свете. Гилас прижался к стене гробницы. Вот серые губы приоткрылись, и мертвец что-то сказал. Голос звучал глухо, замогильно. Речь напоминала крики ястребов в высоком, холодном небе. Наречие чужое, Гилас ни слова не разобрал. «Не может быть, – подумал мальчик, – наверное, показалось!» Вдруг труп издал протяжный, хриплый вздох:

– О-о-ох... Не уходи...

Гилас вздрогнул. В лунном сиянии по воздуху закружились пылинки, потревоженные дыханием раба. Мертвец дышит!

– Ты жив, – прошептал Гилас.

Раб оскалился в кривой усмешке:

– Да... но... ненадолго...

Борясь со страхом, Гилас рискнул подползти поближе. Земля под ладонями стала липкой. Запахло свежей кровью.

Умиравший оказался совсем молодым – даже борода еще не выросла. Приглядевшись и заметив разметавшиеся по земле длинные, спутанные волосы, Гилас понял, что ошибся. Перед ним отнюдь не раб: невольников стригут коротко. Да и на крестьянина не похож: ступни слишком гладкие, ни единой мозоли. Одет в тонкую льняную юбку до колена со спиральным узором по краю, вокруг стройной талии туго затянут широкий кожаный ремень. На ремне богато отделанные ножны с кинжалом, на шее красивый резной амулет из белой кости: застывшая в прыжке рыба с загадочной улыбкой на морде. На груди у мужчины струя крови, и кажется, будто рыба плывет по этой зловеще чернеющей реке.

– Спрячь меня...

Гилас отпрянул, но ледяные пальцы молодого человека стиснули руку мальчика.

– Я с Кефтиу, – с запинками произнес незнакомец – похоже, ему трудно говорить на неродном языке. – Это большой остров... далеко, за Морем... – Лицо молодого человека исказила гримаса. – На рассвете... придут закрывать гробницу... увидят мое тело... бросят на съедение стервятникам. – Он устремил на Гиласа взгляд, исполненный муки. – Помоги моему духу обрести покой.

– Не могу, – возразил Гилас. – Надо уходить, пока не увидели...

– Тебе... нужен... кинжал, – хрипло проговорил человек с острова Кефтиу. – Возьми мой... Украл... Очень ценный. Никому не... показывай.

У Гиласа по коже побежали мурашки.

– Откуда ты знаешь, что мне нужно оружие?

И снова кривая усмешка.

– Мужчина забрался в гробницу, чтобы умереть... Мальчик – чтобы выжить... Думаешь, это случайность?

Гилас замер в нерешительности. Луна уже заходит, и стрекотание ночных сверчков стихает. Нужно бежать, пока не явились деревенские.

– Спрячь меня... – взмолился кефтиец.

Воля умирающего священна. Как можно не исполнить последнюю просьбу? Гилас торопливо огляделся. Где бы спрятать кефтийца? Гробница оказалась просторней, чем сначала показалось Гиласу. В темноте он наткнулся на глиняные гробы, поставленные друг на друга. Одни для младенцев, размером не больше кухонного горшка, другие гораздо массивнее. В темном углу Гилас отыскал подходящий гроб, поднял крышку. Повяло затхлым духом мертвечины. Трогать останки голыми руками – нет, только не это! Гилас взял одну из сломанных стрел и наконечником отодвинул в сторону череп и крупные кости, освобождая место для кефтийца.

– Залезать будешь сам, – сказал мальчик. – Мне тебя не поднять.

Ничего ужаснее Гиласу делать не приходилось: волочь умирающего по земле, подталкивать, чтобы перебрался через высокую стенку гроба, помогать кефтийцу свернуться калачиком, будто младенцу в глиняной утробе. Должно быть, все эти действия причиняли раненому немало страданий, но тот лишь изредка тихонько постанывал.

– Как ты сюда попал? – спросил Гилас, чуть отдышавшись после тяжелой работы. – Кто тебя убил?

Кефтиец закрыл глаза.

– Эти люди пришли с востока... из Микен. Они... Не знаю, как сказать на вашем языке. Птицы, которые делают вот так.

Молодой человек изобразил слабое карканье.

– Вороны?

– Да. Мы их называем Воронами. Такие же жадные и тоже слетаются туда, где смерть.

Гилас вспомнил черных воинов и их темные плащи, хлопающие на бегу, словно вороны крылья.

Лицо кефтийца снова перекосила страшная гримаса.

– Это случилось ночью. Чтобы меня не узнали, накинул плащ из заячьих шкур... взял у одного бедняка... А Вороны приняли меня за другого... Думали, я Чужак. Что это значит – Чужак?

– Это значит, что ты родился не в деревне, – с горечью проговорил Гилас. – Предков у тебя нет, защитить некому, и живешь ты отдельно от всех, за воротами. В жертвоприношениях участвуют только деревенские, поэтому мясо тебе перепадает редко, только когда выкроишь время, чтобы поохотиться. Иногда можно зарезать овцу и наврать, будто ее горным обвалом засыпало. Все вокруг смотрят на тебя свысока. Вот что значит быть Чужаком.

– Так ты Чужак... – задумчиво произнес кефтиец, пристально глядя на мальчика. – Да, на местных ты не похож... и волосы другого цвета... ты из Диких. И много в Ликонии этих... Чужаков?

Гилас покачал головой:

– Знаю только нескольких человек.

– У тебя есть... родные?

Гилас не ответил. Нелеос нашел его и сестру на Горе, лежащих на медвежьей шкуре. Больше при них ничего не оказалось. Нелеос рассказывал, что мать их бросила. Но Гилас ему не поверил: во-первых, Нелеосу, вообще-то, доверять нельзя, а во-вторых, единственное воспоминание о матери, сохранившееся у Гиласа, говорит о другом. Он ни на секунду не сомневается: она любила сына и дочь и никогда бы не покинула своих детей.

– У нас на острове, – пробормотал кефтиец, – таких людей, как ты, зовут Дикие. Они разрисовывают кожу узорами. На тебе узоров нет... Как Вороны отличают Чужаков?

Гилас указал на левое ухо.

– У нас вырезают кусочек мочки – вот отсюда. Нелеос сразу это сделал, как только нас подобрал.

Гилас сглотнул ком в горле. Ему никогда не забыть, как кричала Исси, когда пришел ее черед.

– Вы... поклоняетесь Богине? – с трудом выговорил кефтиец.

– Кому? – удивился Гилас. – Мы поклоняемся Богу Горы и Покровительнице Зверей. Только при чем здесь...

– Это хорошо.

– Расскажи лучше про Воронов, – не выдержав, перебил кефтийца Гилас. – Кто они? Почему охотятся за Чужаками?

– Богиня... У Нее много имен, Ее везде называют по-разному... но все это одна и та же Богиня.

Гилас уже открыл рот, чтобы ответить, но тут с холма донесся крик удода: «Уп-уп-уп». Значит, скоро рассвет.

– Мне пора, – заторопился Гилас.

– Не бросай меня одного, останься!

– Не могу.

– Мне страшно! – жалобно воскликнул кефтиец. – На Кефтиу мертвых хоронят у Моря, а здесь Моря нет... Как же я вернусь домой?

– У тебя на груди рыба.

– Не рыба, а дельфин... Он из слоновой кости, а нужно что-нибудь морское! Прошу тебя...

Стараясь заглушить сострадание, Гилас потянулся за мешком. Но, вздохнув с досадой, опять склонился над гробом.

– Вот, – тихо произнес он, снял с шеи амулет и вложил мешочек в руку кефтийцу. – Мне он не особо помог, а тебе все равно хуже не будет. Внутри осколок горного хрусталя. Подобрал на Горе. Он дает силу. Еще волоски из львиного хвоста – это для храбрости. Как-то в пещере наткнулся на мертвого льва. А еще у меня тут есть раковина. Не знаю, какие у нее полезные свойства, но она уж точно из Моря.

– Да, из Моря!

Кефтиец просиял.

– Ты бывал на Море!

– Нет. Мне ее дал один человек, а сам я ни разу...

– Море подскажет тебе ответы на все вопросы! Люди-с-плавниками найдут тебя...

Вдруг кефтиец схватил Гиласа за руку и резко притянул к себе. Темные глаза засверкали лихорадочным блеском.

– Они знают: ты придешь, – выдохнул кефтиец. – В подводном синем мире ищут тебя... Ищут – и найдут...

Гилас вскрикнул. Высвободил руку, отпрянул.

– Люди-с-плавниками доставят тебя на свой остров... рыбы там летают, а пещеры поют... холмы ходят... деревья из бронзы...

Умиравший бредил. А между тем свет, проникающий в гробницу, приобрел серый оттенок. Гилас перекинул бурдюк через плечо и наклонился за мешком с припасами.

– Доберешься до Моря... – продолжил кефтиец.

– Да не пойду я туда!

– ... отдай Ему прядь моих волос.

– Говорю же – мне надо в другое место!

– Возьми, отрежь... скорее...

Чуть не скрипя зубами от досады, Гилас схватил стрелу, отрезал наконечником прядь выющихся темных волос и сунул локон за пояс.

– Вот! Доволен? И больше ни о чем не проси – пальцем не пошевелишь!

Кефтиец улыбнулся. Не криво ухмыльнулся, а расплылся в искренней улыбке. Даже лицо преобразилось.

– Будешь на Море, скажи Людям-с-плавниками, чтобы забрали мой дух... сразу увидишь, как они прыгают через волны... все вместе... такие сильные... такие красивые... они доставят меня прямо к Сияющей... и с Ней я познаю покой... как капля воды, воссоединившаяся с Морем...

– В последний раз повторяю – не собираюсь я на Море!

Тот не ответил. Что-то в его молчании насторожило Гиласа. Он обернулся и заглянул в гроб. Взгляд кефтийца сделался застывшим: больше этим глазам ничего не суждено увидеть. Сам не понимая, зачем это делает, Гилас дотронулся пальцем до худой щеки покойного. Теплая плоть остывала быстро – так же вода в мгновение ока впитывается в сухую землю. Секунду назад в гробу лежал живой человек, а теперь там осталась лишь пустая оболочка.

На холме снова закричал удод. Медлить нельзя. С трудом водрузив на гроб тяжелую крышку, Гилас второпях пробормотал молитву. В утреннем свете отчетливо видны и поставленные один на другой гробы, и настенная роспись: красные и желтые человечки пляшут и совершают жертвоприношение. В углу Гилас заметил плащ из заячьих шкур, о котором упоминал кефтиец, и спрятал эту вещь за гробом. На месте, где лежал умирающий, осталось большое пятно темной крови. Гилас забросал его землей. Больше мальчик ничего не мог сделать для умершего.

Вдруг издалека послышалась музыка. Тростниковые флейты! Деревенские идут! Процессия несет дары – мед и вино, и даже страх перед черными воинами не помешает преподнести их родичу, ставшему Предком.

Нельзя терять ни минуты. Гилас поспешил к выходу и тут вспомнил про кинжал. Кефтиец предлагал ему свое оружие, но у Гиласа все мысли о нем вылетели из головы, и драгоценный предмет так и остался в гробу. Гилас обернулся и вздрогнул от неожиданности – оружие лежало рядом с гробом, на земле, на самом видном месте!

Гилас сказал себе: «Должно быть, кинжал вывалился из ножен, когда кефтиец лез в гроб. Иначе как клинок очутился на земле?»

«Возьми... Никому не показывай...»

Бронзовый кинжал совсем простой, без украшений. Рукоять широкая, прямоугольная, с тремя гладкими заклепками. Лезвие длиной в две ладони Гиласа. Клинок крепкий и идеально прямой, кончик узкий и острый. В сиянии восходящего солнца края поблескивают красноватым светом. Такого красивого оружия Гилас еще не видел.

Оружие оказалось тяжелым. Рукоятка, поначалу холодная на ощупь, быстро впитала тепло руки.

А пение флейт все приближалось.

Сжимая кинжал, Гилас бросился бежать.

4

Едва он успел укрыться на склоне холма, как процессия подошла к гробнице. К счастью, деревенские ничего подозрительного не заметили. Вот, уже закладывают вход камнями. Гилас увидел в толпе вчерашнюю собаку. Пес стоит рядом с деревенским мальчишкой. Гилас поразился, что собаку забрали. Но тяжело смотреть, как пес тыкается носом в ладонь хозяина. Брысь тоже так делал.

Перебравшись на другую сторону холма, Гилас припустил вниз. На ходу сорвал листья крушины, чтобы отпугнуть дух кефтийца, и сунул прядь волос покойного в мешок вместе с кинжалом. Ножны мастерить нет времени, а выставлять такую вещь напоказ нельзя. У Чужака никак не может быть бронзового кинжала. Увидят – подумают, краденый.

Стараясь припомнить все, что Теламон рассказывал про Лапитос, Гилас зашагал на восток, к подножию горы.

Редко растущие сосны почти не дают тени, чертополох высотой в человеческий рост царапает колючками, длинными и острыми, будто кабаньи клыки. Зато черных воинов не видно. И вообще, вокруг ни души. Не успел Гилас об этом подумать, как на крутом повороте чуть не налетел на колесницу.

Замерев от ужаса, во все глаза уставился на двух коней и воина в шлеме из сыромятной кожи. Тот сначала не заметил Гиласа, но, когда лошади заржали, повернул голову и увидел мальчика. Гилас не стал дожидаться, когда его схватят. Кинулся наутек и опрометью взбежал вверх по склону. Сюда колеснице точно не заехать.

Перебравшись на другую сторону холма, Гилас устремился вниз и бросился к горному потоку. Колесница, окруженная клубами пыли, с грохотом вылетела из-за поворота. Воин что-то кричал, но слов было не разобрать. Гилас забежал в воду. Брызги полетели во все стороны, бурдюк и мешок больно били по спине.

Судя по звукам, колесница во что-то врезалась. Лошади отчаянно заржали. Воин спрыгнул и побежал за Гиласом. Мальчик попробовал петлять. Тот не отставал. Ухватил Гиласа за плечо, рванул к себе, но оба потеряли равновесие и плюхнулись в воду. Воин зажал локтем шею Гиласа, но тот вывернулся и сунул голову преследователя под воду. Воин наугад замахнулся кулаком и попал Гиласу по раненой руке. Охнув от боли, мальчик отпрянул. Воин, отплевываясь, вынырнул. Гилас ударил его коленом в пах. Тот взвыл и снова рухнул в воду, но быстро вскочил и, не успев Гилас опомниться, пнул его в челюсть. От удара мальчик отлетел и растянулся на прибрежной гальке. Воин уперся коленом ему в грудь, обеими руками схватил Гиласа за волосы и тряхнул так, что у мальчика зубы застучали.

– Гилас, это я, Теламон! Твой друг, между прочим!

– Что ж ты меня не признал? – отдуваясь, с трудом выговорил Теламон.

– Говорю же, – пропыхтел Гилас, – с этой штукой на голове все на одно лицо.

Друзья сидели на берегу горного потока, поливая холодной водой ушибы. Лошади, привязанные неподалеку, спокойно пили.

– Извини, что пнул, – смущенно пробормотал Теламон.

– А ты извини, что чуть не утопил, – отозвался Гилас.

Теламон фыркнул.

– Что у тебя с рукой?

– Из лука подстрелили, – ответил Гилас.

Самодельная повязка слетела во время драки, и рана невыносимо саднила.

– Больно? – спросил Теламон.

Гилас плеснул ему в лицо водой.

– А сам как думаешь?

Теламон усмехнулся и окатил его брызгами в ответ. Потом вдруг вскочил и заторопился.

– Пошли. Останавливаться на одном месте опасно.

Похоже, для Теламона само собой разумеется, что расхлебывать эту кашу они будут вместе. Гилас хотел поблагодарить его, но подходящие слова не шли на ум.

С Теламоном он подружился еще четыре года назад, но виделись мальчики только тайком: отец Теламона запретил сыну приближаться к Чужакам. И все же Теламону иногда удавалось потихоньку ускользнуть и навестить Гиласа и Исси так, чтобы об этом никто не узнал. Но он каждый раз мучился от угрызений совести. Еще бы, нелегко обманывать отца.

Поначалу Гилас относился к новому знакомому с подозрением. Зачем богатому мальчишке приятель-Чужак? Но скоро понял: Теламон просто нуждается в друге, вот и все.

Они отличались друг от друга, будто ночь и день. Возможно, именно поэтому так хорошо дополняли друг друга. Прежде чем что-то предпринять, Теламон тщательно обдумывает все варианты и только потом принимает решение. Гилас же соображает быстро, а действует еще быстрее. Иначе Чужаку не выжить. Теламон неукоснительно следует воинскому кодексу чести. Гилас только посмеивается над этими правилами, хотя в глубине души его манит все, связанное с жизнью воинов. Но главное – у Теламона есть отец, которого он любит и почитает. Гилас даже вообразить не может, каково это. Своего отца мальчик не знает, а почтения ни к кому из знакомых не испытывает.

Так они общались четыре года, и все это время им удавалось сохранять дружбу в секрете. В тайну посвятили только Исси, но она Теламона обожает. Вместе выстроили первый плот, научились плавать. Как-то раз Теламон спас Гиласа от разъяренного быка, а Гилас вытащил Теламона из логова потревоженной львицы. Будучи старше Гиласа на год, Теламон отличается более крупным телосложением – и неудивительно, ведь мясо он ест гораздо чаще. Зато Гилас знает больше хитрых уловок, полезных в драке. Теламону ужасно не нравится, что друг ворует. Говорит, кража не благородное дело. И все-таки ни разу не выдал Гиласа и ни разу не подвел.

Но теперь, глядя на Теламона, проверявшего, сильно ли пострадала колесница, Гилас как никогда ясно осознал, какая глубокая пропасть разделяет его и друга.

Теламон – сын Вождя, его статус сразу бросается в глаза. Рукава и подол туники украшены алой каймой, высокие сапоги до блеска натерты маслом – так же, как и висящие на поясе ножны кинжала. Длинные темные волосы заплетены в косы, на концах маленькие глиняные диски, чтобы пряди не расплетались. С запястья свисает личная печать из отполированной красной яшмы. На ней вырезан крошечный кабан со вздыбленной щетиной на загривке. Печать Теламону подарил отец, когда сыну весной исполнилось тринадцать лет и он впервые пошел на кабанью охоту. Юный воин должен смастерить себе шлем своими руками, а для этого нужно добыть достаточное количество кабаньих клыков. Одного кабана Теламон убил, осталось еще одиннадцать. Гилас помог бы другу, но Теламон не разрешил: чтобы стать настоящим воином, надо все делать самому.

– Может, хоть ты знаешь, что творится у нас в Горах? – спросил Гилас. – Чем Воронам помешали Чужаки?

– Каким еще Воронам? – удивился Теламон.

– Черным воинам! Почему эти разбойники нападают только на нас, а остальных не трогают?

Теламон нахмурился:

– Кто ж их знает? Только услышал, помчался в Горы. Хотел предупредить, отыскал вашу стоянку...

– Они убили Брыся.

– Знаю, видел. Я его похоронил. Не представляешь, что я пережил. Боялся, вас двоих тоже прикончили. Хорошо, что заметил твои следы. Правда, быстро потерял. Тогда пошел по следу Исси...

– Значит, убежала? – не выдержал Гилас.

– Направлялась на запад, но потом я опять сбился со следа.

– На запад? А я ее на востоке ищу! Думал, спустилась к деревне или пошла искать тебя.

– Не волнуйся, найдем мы твою сестру. Ничего с ней не случится.

– Исси всего девять лет!

– За девчонкой гоняться не станут.

– Зачем они вообще за нами гоняются?

– Сказал же – не знаю!

– Как это не знаешь? – разозлился Гилас. – Твой отец – самый могущественный человек в Ликонии!

– Гилас...

– Ты сын вождя! Между прочим, вождь обязан защищать свой народ! А он сидит сложа руки!

Теламон недобро прищурился.

– Думаешь, ты умней вождя?

– Выходит, он только деревню охраняет? А Чужаки пусть как-нибудь сами выкручиваются?

– Мне показалось, или ты осуждаешь моего отца? – спросил Теламон.

Красивое лицо друга застыло, точно маска. Пальцы сомкнулись на рукоятке кинжала.

Гилас знает: для Теламона нет ничего важнее чести. Друг не колеблясь отомстит любому, кто осмелится марать доброе имя семьи.

– Нет, – с досадой произнес Гилас. – Тебе показалось.

– Я рад, – холодно ответил Теламон.

Друзья обиженно умолкли. Теламон отошел к лошадям, чтобы проверить, не застряли ли у них в копытах камни. Гилас остался сидеть на берегу. Если Теламон дует, то это надолго. Ни за что не станет мириться первым. Может, показать ему бронзовый кинжал? Нет, тогда придется объяснять, что оружие краденое, и рассказывать, как спрятал кефтийца в деревенской гробнице. У добропорядочного Теламона глаза на лоб полезут.

Вместо этого Гилас окликнул друга и попросил одолжить нож. Ни слова не говоря, Теламон кинул приятелю кинжал. Гилас отрезал от туники полоску ткани на новую повязку. Сорвал пару листьев чистеца, пожевал, чтобы дали сок, приложил к ране и привязал самодельным бинтом из ткани. Подошел к колеснице и вернул кинжал Теламону. И снова тот ничего не сказал.

Молчание слишком затянулось. Гилас решил его нарушить.

– Так вот они какие, лошади.

Теламон хмыкнул.

На Горе лошади не водятся. Гилас видел этих зверей только издали и даже не подозревал, какие они высоченные. У той, что ближе к нему, шерсть лоснящаяся, каштановая, а грива черная, как сосновая смола. Гилас хотел погладить диковинного зверя, но тот угрожающе пригнул уши и едва не цапнул мальчика за руку. Зато второй конь оказался дружелюбнее – потерся носом о грудь, подул в ухо. Добрые темные глаза большие и влажные, как сливы, но зверь отнюдь не безобидный – шея на ощупь крепкая, мускулистая.

– Твой? – спросил Гилас у Теламона.

– Скажешь тоже! – фыркнул тот. – Отцовские, чьи же еще? Мне их брать нельзя.

Гилас присвистнул.

– Неужто украд? – насмешливо поинтересовался он.

Теламон покраснел.

– Просто взял на время.

Друг принялся теревить печать: он так всегда делает, когда размышляет над сложной проблемой.

– Гилас, эти люди – не какие-нибудь там разбойники. Их прислал с востока Верховный вождь Микен. И вовсе они не Вороны, а великий клан – дом Короносов. За них сражается много воинов. А невежественные крестьяне не отличают членов клана от наемников, поэтому называют и тех и других Воронами.

Гилас взглянул на друга с подозрением.

– Что-то ты больно много про них знаешь.

– Я сын вождя, – с вызовом ответил Теламон. – Уж конечно, слышал побольше твоего.

– А по мне, так Вороны – самое подходящее название. Застрелили Брыся и нас с сестрой чуть не убили.

– Да, но... – Теламон покраснел еще гуще, – отец с ними в дружественных отношениях.

Гилас опешил.

– В дружественных?! С разбойниками, которые пришли на его землю убивать его людей?

– Гилас... – Теламон запнулся. – Быть вождем – значит вести дела с теми, с кем надо, нравятся они тебе или нет.

Гилас только отмахнулся.

– А ты? Ты тоже с ними «в дружественных отношениях»?

Теламон нахмурился.

– Не представляю, что Короносы имеют против Чужаков, но постараюсь узнать.

Он посмотрел Гиласу в глаза.

– Я твой друг, – торжественно произнес Теламон. – Я тебе помогу. Вместе мы найдем Исси. Клянусь честью. А теперь хватит болтать. Пойдем.

Схватившись за поводья, Теламон запрыгнул в колесницу. Кони встали на дыбы. Мальчик с трудом их успокоил.

– Ты хоть умеешь править этой штукой? – спросил Гилас, заскочив и встав рядом с Теламоном.

– Держись крепче, – пропыхтел друг. – И колени согни.

Лошади понеслись вперед. Колесницу рвануло так, что Гилас едва не вылетел.

– Сказано тебе – держись! – прокричал Теламон.

Колесница с оглушительным дребезжанием подсакивала на камнях. Тонкий плетеный короб трясло так, что казалось – он вот-вот рассыплется. Днище из сыромятной кожи угрожающе провисло под тяжестью двух ездоков. Вдобавок приходилось все время шуриться: из-под копыт в глаза летели камешки. Но зато лошади бежали быстро. Гилас и не думал, что можно передвигаться с такой бешеной скоростью. Дорога стремительно проносилась вниз, горячий ветер трепал волосы. Гилас радостно засмеялся. Теламон взглянул на друга с улыбкой.

И вдруг Гилас сообразил – они же едут не в ту сторону! Вцепился в поводья и повис на них. Кони остановились, роя копытами землю.

– Разворачивай колесницу! Едем на запад!

Теламон пришел в ярость.

– С ума сошел? – бушевал он, пытаясь успокоить лошадей. – На колеснице через Горы не проехать! Да нас и не пропустят – дорогу-то охраняют! Я все продумал: Горы обогнем, поедем на юг, к Морю, а потом...

– К Морю?.. – переспросил Гилас.

– Возьмем лодку, на веслах проплывем вдоль побережья, высадимся по другую сторону Гор и оттуда пойдем пешком. Там недалеко. Исси найдем в два счета, вот увидишь.

«К Морю...» – думал Гилас. «Доберешься до Моря». Кефтиец говорил уверенно, без тени сомнения.

– Ну так что? – поторопил друга Теламон. – Решай, куда ехать, и поскорее! Я их долго не удержу.

Гилас задумался всего на секунду.

– Ты прав, – согласился он с другом. – Поедем, как ты сказал.

– Ну спасибо, – язвительно отозвался Теламон.

Подстегнул коней вожжами, и колесница снова понеслась по тропе, грохоча и поднимая облака пыли. Передумывать нет времени.

Вот они повернули, и перед ними раскинулась широкая, плоская лесистая равнина. Кое-где виднеются золотистые ячменные поля и серебристые оливковые рощи. А впереди, далеко-далеко, – еще одни Горы, много Гор. Кажется, будто пики подпирают небо.

Так далеко на восток Гилас ни разу не заходил. Все это величие заставило его немного оробеть. Гору Ликас он изучил как свои пять пальцев – и вершины, и долину, и деревню. А о том, что лежит за ее пределами, имел смутные представления.

Гиласу известно, что отец Теламона нажил богатство благодаря изобильным урожаям с равнинных полей и что Ликония – южная часть обширной земли под названием Акия. В других ее частях, где-то далеко, правят другие вожди – в Мессении, в Аркадии, в Микенах. Ну а за морем и вовсе лежат неизведанные земли, населенные чудищами. Впрочем, обо всем этом Гилас вспоминал редко. Думал, не пригодится, и ошибся. Перед лицом невообразимо огромного мира Гилас почувствовал себя крошечным, не больше муравья. А такого всякий может раздавить.

Через некоторое время Теламон остановил колесницу возле речки с высоченными камышами по берегам. Перед дальней дорогой нужно дать лошадям напиться. Мальчики спешили. Теламон со стоном опустился на камень, растирая затекшие плечи. А Гиласу даже на твердой земле чудилось, будто под ним трясется колесница. Камыши достигали высоты в три человеческих роста и давали надежное укрытие, но Гилас все равно чувствовал себя неудобно. Все казалось, будто из зарослей вот-вот выскочат черные воины.

Теламон порылся в мешке из телячьей кожи, бросил Гиласу кусок сушеной овечьей печени и коровий рог, заткнутый деревянной пробкой.

– Это что? – удивился Гилас.

– Сок грецкого ореха. Выкрасишь им волосы. Они ведь у тебя желтые, здесь больше ни у кого таких нет. Издали в глаза бросаешься.

С жадностью проглотив мясо, мальчик растер по голове ореховый сок. Волосы цвета сырого песка превратились в коричневые – одни пряди потемнее, другие посветлее.

– Так-то лучше, – кивнул Теламон и отправился обследовать местность.

Гилас остался присматривать за конями. Того, что подороже, Теламон звал Дымком, сердитого – Свирепым. Дымок стоял смирно, чуть согнув заднюю ногу, а Свирепый фыркал и тряс головой. Красотой он уступает Дымку – костлявый нос, злобные глаза, – но зато Свирепый умнее. Гилас бы на месте коня тоже злился. Наверное, не очень-то приятно тянуть колесницу. Гилас так и сказал. Свирепый слушал, прядая ушами, а потом попытался тяпнуть мальчика за руку. Тот улыбнулся:

– Вот и умник. Никому нельзя доверять.

Тут оба коня насторожили уши и пронзительно заржали. Издалека донеслось точно такое же ржание.

Ломая камыши, к колеснице подбежал Теламон.

– Они! – выдохнул друг. – Скорее! Впереди тропа!

Гилас запрыгнул в колесницу и протянул Теламону руку, но, к его удивлению, друг швырнул ему мешок с провизией, потом кинул вожжи.

- Езжай на юг, – велел он Гиласу. – Держись реки. У Моря найдешь лодку...
- А ты?!
- Отвлеку их. Уведу в другую сторону. Встретимся на побережье.
- Теламон, я тебя не брошу!
- Придется, а то пропадешь!
- Ну и пусть!
- Мне они ничего не сделают, им нужен ты! Спасайся!

5

Гилас не ожидал, что кони окажутся такими сильными. Он изо всех сил вцепился в поводья. Только бы не вылететь из колесницы! Мальчик мельком оглянулся через плечо. Нет, так не уйти: за ним поднимается облако пыли таких размеров, что его только слепой не заметит. И тут он увидел впереди развилку. Тропа справа достаточно широка, чтобы по ней можно было проехать, зато левая совсем узкая, заросшая камышами. Должно быть, ведет к реке.

Гилас повис на поводьях так, что коням пришлось вывернуть шеи. Колесница, визжа колесами, остановилась. Мальчик прыгнул и стал торопливо распрягать Свирепого. Конь топал копытами, лязгал зубами, но Гиласу каким-то чудом удалось не запутаться в вожжах и снять с него хомут. Мальчик хлопнул Дымка по крупу, и тот понесся прочь по широкой тропе. Следом подскакивала пустая колесница. Если повезет, Вороны заметят пыль и поскачут следом, а когда раскусят уловку, он будет уже далеко.

Беглец вскарабкался на спину Свирепого. Ошарашенный конь сорвался с места и припустил бешеным галопом. На ослах Гилас ездил, а на лошадях – ни разу. Свирепому обуза в виде наездника пришлась не по душе. Вцепившись в гриву, мальчик уселся попрочнее. Нет, он нипочем не даст себя сбросить! Камыши хлестали по лицу, мешок с провизией бил в спину. Свирепый забежал под иву, видно, надеясь, что хлесткие ветки помогут стряхнуть седока. Гилас быстро пригнулся, ударившись щекой о костлявую холку.

Казалось, поединок между мальчиком и конем продолжался часами. Наконец Свирепый встал как вкопанный и отказался двигаться с места. Застонав от досады, Гилас сполз на землю и потащил коня к реке на водопой.

Куда ни глянь, высятся камыши, образуя узкий зеленый коридор. Сверчки стрекочут так громко, что прислушиваться бесполезно: все равно погоню не услышишь. Как там Теламон? «Уведу», «отвлеку»! Вдруг Вороны сообразят, что их водят за нос? Тогда прикончат без лишних разговоров.

Глядя, как Свирепый жует гигантский фенхель, Гилас вспомнил, что и сам проголодался. Мешок Теламона остался в колеснице, но свою провизию он захватил с собой. Достав оливки и кусок сыра, мальчик поел сам и предложил остатки Свирепому. Конь пригнул уши и оскалился. Потемневшие от пота бока крест-накрест пересекают тонкие черные шрамы. У Гиласа тоже шрамов хватает: рука у Нелеоса тяжелая.

– Вот бедолага, – вздохнул мальчик.

Свирепый настороженно зыркнул на него. Мальчик положил на землю сыр и две оливки. Конь обнюхал оливки и наступил на сыр. Гилас погладил его по разгоряченной шее.

– Не такой уж ты и свирепый, правда? Просто не любишь, когда тебя бьют.

Тот встал на дыбы, взмахнул передними копытами. Гилас едва успел отскочить. Поводья выскользнули из рук, конь унесся прочь, ломая камыши. Гилас кинулся следом, но Свирепый быстро скрылся из вида.

Сначала потерял сестру и Брыся, потом ту собаку на привязи, потом Теламона, а теперь еще и Свирепый сбежал. Видно, какой-то злой дух не желает, чтобы рядом с Гиласом были друзья.

– Ну и ладно, – вслух пробормотал он. – Обойдусь.

Весь день Гилас шел вдоль реки, постепенно удаляясь от Гор. За это время он возненавидел камыши всей душой. Только и делал, что вздрагивал из-за непонятных шорохов, вдобавок высокие стебли стояли стеной вплотную друг к другу – попробуй разбери, куда идти. Наконец показался просвет, но от этого легче не стало.

Кроваво-красный пылающий шар Солнца опускался за черные вершины. Тройной пик Ликас, похожий на острые клыки, остался далеко позади. Гилас вспомнил тропы, по которым

бродил с Исси и собакой, и пик Предков, куда они с Теламоном полезли на спор. Небо над Горами угрожающе нахмурилось. Издалека донесся раскат грома. Это Небесный отец сталкивает облака друг с другом, чтобы устроить грозу. Гилас представил Исси на ветру, под дождем.

До сих пор мальчик даже не подозревал, как сильно ее любит. Раньше она была просто надоедливой малявкой: вечно приставала с вопросами, путалась под ногами. В первый раз в жизни он скучает по Исси.

В предгорье Ликаса мелькнул крошечный красный огонек. Наверное, в Лапитосе зажигают сигнальные огни. Где сейчас Теламон? Вернулся к отцу в крепость? Или Вороны сожгли ее до основания?

Вдруг возникло тяжелое предчувствие: что, если Гилас никогда больше не увидит ни Исси, ни Теламона?

– Украл мою колесницу! – бушевал отец Теламона. – Коня попортил! Можно подумать, без тебя хлопот мало!

Его сын прислонился к стене, иначе упал бы.

Мальчик валился с ног от усталости, а теперь его вдобавок ожидала хорошая порка: вождь сжимал в руке хлыст из воловьей кожи. Только бы вытерпеть наказание, не проронив ни звука. Но еще хуже то, что отец узнал о тайной дружбе сына и Чужака. Донес один пастух, видевший Теламона с Гиласом в колеснице.

– Ты лгал мне! – прорычал отец, меряя комнату широкими шагами. – Обманывал годами! По-твоему, благородные люди так себя ведут?

– Нет, – прошептал Теламон.

– Тогда почему врал?

Теламон набрал полную грудь воздуха.

– Гилас мой друг.

– Друг? Чужак и вор?

– Что ж их теперь, поубивать? Так нечестно!

– Смотрите, кто о честности вспомнил! – взорвался тот. – А ну рассказывай, куда он пошел?

Теламон с вызовом вскинул голову.

– Не знаю.

– Не знаешь или не хочешь говорить?

– Не хочу.

Отец окинул сына испытующим взглядом. Потом с досадой махнул рукой, отошел к дальней стене и опустился на зеленый мраморный трон. По обе стороны застыли раскрашенные фигуры львов с раскрытыми в безмолвном рыке пастьями.

Вождь и Теламон разговаривают наедине в большом зале Лапитоса. Пахнет несвежими благовониями и яростью. Даже мыши на стропилах притихли. Время от времени по плитам двора шлепают чьи-то сандалии, но никто не решается потревожить вождя. Тестор незлой человек, голос повышает редко. Но раз уж повысил – значит случилось что-то из ряда вон выходящее.

Отец и сын стоят по разные стороны огромного круглого центрального очага. Вокруг мерцающего угольного ковра шириной в два шага возвышаются четыре массивные колонны с резьбой в виде черных и желтых зигзагов. Ни дать ни взять потревоженные осы.

Огонь горит много поколений, и за это время ему ни разу не дали погаснуть. Вокруг очага нарисован круг из языков пламени. Маленький Теламон любил ползать рядом с ним, пока Тестор пировал со своими людьми, женщины в верхних покоях сплетничали за ткацкими

станками, а огромные собаки лениво постукивали хвостами по полу. Напольные плиты Теламону тоже нравились. Он тщательно исследовал каждый из красно-зеленых узоров, отгоняющих злых духов.

А сейчас эти узоры кружатся перед глазами так, что мутит.

– Кто-нибудь, принесите мальчишке табурет, пока этот сопляк в обморок не грохнулся! – рявкнул Тестор.

Вбежал раб, поставил табурет рядом с Теламоном и торопливо выбежал. Тому гордость не позволила сесть.

– Я поступил как должно, – объявил он.

Отец испепелил его суровым взглядом.

Но это же правда! Теламон помог Гиласу сбежать и увел воинов в другую сторону. Даже колесницу отыскал – вернее, то, что от нее осталось. И беднягу Дымка нашел: тот уныло стоял под тамариском с застрявшим в копыте камнем. А вот Свирепого нигде не оказалось. Видно, Гилас скачет на нем к Морю. По крайней мере, Теламону хотелось бы на это надеяться.

– Почему Короносы охотятся на Чужаков? – в очередной раз спросил мальчик.

– А почему ты с Чужаками дружишь? – парировал отец. – Или этот мальчишка тебе дороже, чем родная семья?

– Нет, конечно!

– Тогда зачем он тебе?

Теламон закусил губу. Может, дело в том, что они с Гиласом такие разные? Стоит Теламону услышать обидные слова, и ему никак не удастся выбросить их из головы по несколько дней подряд. А Гиласу плевать, что про него говорят. На Чужаков все смотрят сверху вниз, а ему хоть бы что. Гилас – парень суровый, привык полагаться только на себя. Теламон втайне опасается, что у него самого твердости духа недостает. И вообще, Гиласу живется куда как легче: не надо бояться, что не оправдаешь отцовских надежд.

Но Тестору все это объяснять бесполезно.

Вождь уперся локтями в колени и закрыл лицо руками. Алую тунику покрывает слой пыли, отчего отец кажется еще более уставшим и измученным заботами, чем обычно. Теламон ощутил прилив нежности и вдруг разозлился на Гиласа: угораздило же его вбить клин между отцом и сыном! Гилас, конечно, хороший друг, но ему никогда не понять, до чего тяжело сыну вождя разрываться между долгом дружбы и кровными узами.

Откуда Гиласу знать, как живется Теламону? Он ни разу не видел раскрашенных стен, на которых Предки пронзают копьями кабанов и побеждают врагов. Не входил в крепость через ворота, утыканные бронзовыми шипами. Не держал в руках мраморной чаши, в глаза не видел золота. Какое там – даже по лестнице ни разу не поднимался и ванну не принимал. А еще Гилас не подозревает, что, идя на встречу с другом, Теламон нарочно берет с собой кинжал похуже. Некрасиво хвастаться бронзовым клинком, когда у друга ничегошеньки нет.

Отец между тем все сильнее хмурился и дергал себя за бороду.

– Наши дела обстоят хуже, чем ты думаешь, – вдруг проговорил Тестор и вздохнул: – Крестьянину хорошо: до всего, что за забором творится, дела нет. Но мы с тобой, Теламон, себе такую роскошь позволить не можем. Мы правители. Годами я старался держаться в стороне от всего, что происходит за границами Ликонии. Однако теперь это невозможно.

– Почему? – спросил Теламон.

На секунду отец и сын встретились глазами, но Тестор быстро отвернулся. Тут Теламон встревожился не на шутку. Во взгляде отца мальчик заметил то, чего не видел раньше. Страх.

– Отец, мне очень жаль, что так получилось! – выпалил сын. – Что бы ни случилось, буду тебе помогать!

Тестор встал и взвесил на руке хлыст. Потом велел Теламону обнажить спину.

– Мне тоже жаль, – проговорил вождь.

Когда стемнело, Гилас наткнулся на рыбацкий плот, вытасенный на берег. Так-то лучше. Теперь река сама принесет его к Морю.

Распластавшись на животе, мальчик греб руками. К счастью, люди на берегу не попадались. Только один раз Гилас разглядел сквозь прибрежные камыши огни деревни. Должно быть, все прячутся от Воронов за воротами духов. Хотя ставят ли равнинные жители ворота духов? В Горах болтают, что здешнее население выращивает ячмень черного цвета, а еще у них нет пальцев на ногах.

Не удержавшись, Гилас вытащил из мешка бронзовый кинжал. С оружием смелости прибавилось. В темноте хорошие ножны не смастерить, но прикрыть клинок не помешало бы. Нарезав полосок из ивовой коры, Гилас свернул их в жгут и привязал кинжал к бедру. Из-под туники оружия не видно.

Мальчик нехотя прикрепил к поясу прядь волос кефтийца. Дотрагиваться до волос мертвеца – удовольствие сомнительное, но оставлять их на прежнем месте небезопасно. Вдруг мешок свалится в реку? Тогда будет еще хуже: за ним вдобавок ко всему увяжется рассерженный дух.

Вцепившись в край плота, Гилас вглядывался в темноту, а течение несло его к Морю. «Море подскажет тебе ответы на все вопросы», – так сказал кефтиец.

Представления о Море Гилас имеет смутные. Только видел с вершины горы далекое серо-голубое пятно. Жена Нелеоса Пария частенько пугала маленького Гиласа рассказами о глубоководных чудовищах, поэтому к Морю мальчика не тянет.

Наступила ночь, и дикие звери вышли из укрытий. Вот мимо плывет гадюка. Треугольная голова блестит в лунном свете. Стоящая на берегу львица провожает Гиласа взглядом. С морды капает вода. В камышах мелькнула водяная нимфа. Глаза серебристые – у людей таких не бывает. Нимфа посмотрела сквозь Гиласа, будто его тут и вовсе нет.

Какая же сверхъестественная сила решила прогнать его с Гор? Гилас терялся в догадках. До сих пор он особо не задумывался о Великих Богах. Они слишком далеко, и жизнь простых пастухов их мало волнует. Но что, если Гилас, сам того не заметив, обидел кого-то из них? Небесного Отца или Сотрясателя Земли? А может, Покровительницу Зверей? Или бессмертных духов, чьи имена запрещено произносить вслух? Одних называют Злобными: они преследуют тех, кто убил своих родных. А есть еще Серые Сестры: сидят, скрючившись, в своих пещерах, будто старые паучихи, и ткут гигантскую паутину, каждая нить которой означает чью-то жизнь.

Кто же из них повелел, что Скирос должен умереть, а Гилас – выжить? А Исси? Какая судьба уготована ей?

Вот промелькнули светлячки, оставляя за собой в воздухе золотистые нити. Лягушка, цеплявшаяся за стебель камыша, видно, славно ими поужинала – даже зеленое брюхо светилось.

Лягушки – любимые животные Исси. Однажды Гилас поймал для нее такую же и посадил в клетку из прутьев. Исси любовалась ею, пока та не перестала светиться, потом бережно отнесла обратно к реке и выпустила.

Исси хлебом не корми – дай подружиться с новым зверем: то с лаской, то с барсуком, а как-то раз даже с дикобразом, о чем тут же и пожалела. А Брыся она просто обожала. Когда Исси сравнялось четыре, а Брысь еще не вышел из щенячьего возраста, Гилас смешил сестренку, крича: «Брысь! Брысь!» Вместо того чтобы убегать, Брысь несся к ним – уши подпрыгивают, язык свешивается изо рта. Исси никогда не надоедал этот нехитрый фокус. Малышка хлопала в ладоши, кричала: «Брысь! Брысь!» и покатывалась со смеху.

Стоило вспомнить о сестре, и одиночество сделалось невыносимым. С того дня, как Нелеос нашел на Горе двух малышей, завернутых в медвежью шкуру, они с Исси вместе преодолевали все невзгоды. Гиласу тогда было лет пять, Исси – не больше двух. Староста попытался забрать шкуру – Гилас укусил его за руку, а Исси засмеялась...

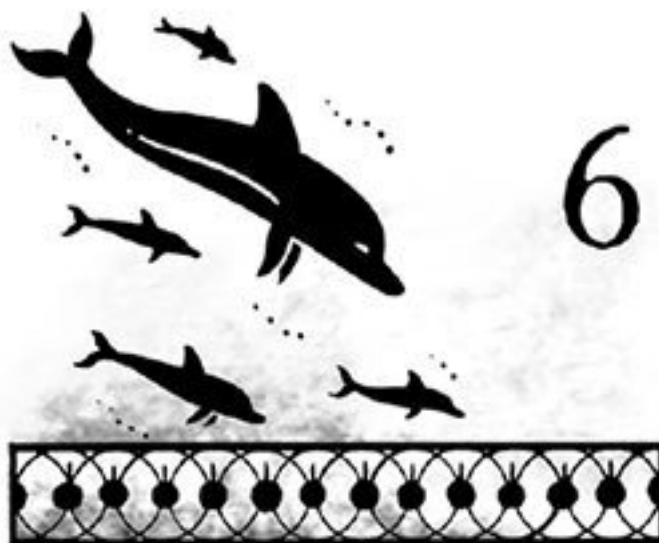
Разбудило Гиласа светящее в глаза Солнце. Пока мальчик спал, плот прибило к берегу. Здесь голос реки звучит по-другому: похож на размеренное дыхание какого-то гигантского существа. Гилас слез на сушу и ступил на блестящую белую гальку. И только тогда понял: он уже не на реке. Впереди мерцает вода такого яркого голубого цвета, что хочется зажмуриться. Она простирается далеко-далеко и на горизонте сливается с небом. Низкие волны одна за другой накатывают на берег. Белая пена касается ног Гиласа. Там, где помельче, подводный мир видно как на ладони: вода кристально-прозрачная. Колышущиеся водоросли не зеленые, а фиолетовые. Вот чудеса! Среди них Гилас заметил странных круглых существ. На спинах топорщатся черные иголки. Интересно, кто это – подводные ежи?

Наклонившись, мальчик окунул в воду палец, облизнул. Во рту стало солено.

«Они знают: ты придешь, – сказал кефтиец. – В подводном синем мире ищут тебя».

Гилас нервно сглотнул.

Вот он и добрался до Моря.

6

Дельфин беспокоится. Уже некоторое время его одолевает ощущение, будто он должен что-то сделать, но что именно – понятия не имеет. А самое странное, что больше никто в стае ничего из ряда вон выходящего не заметил. Обычно, когда дельфин что-то чувствует, то же самое чувствуют остальные. Так уж у них заведено: плывешь, а вокруг пощелкивание, свист и обрывки мыслей товарищей по стае. Часто кажется, будто стая – это один большой дельфин: все прыгают одновременно, ныряют тоже вместе.

Но в этот раз с ним творится что-то необычное. Попытался рассказать другим, но никто не понял, о чем он, даже родная мать. Потому дельфин решил на некоторое время отделиться от стаи и сам разобраться, что означает странное ощущение.

Поначалу плыл вдоль Края – там, где Море становится шумным и светлым. Сверху раздаются пронзительные крики чаек, а на берег с шипением накатывает пена. Дельфин проскользнул через лес из водорослей. Ему нравится, как скользкие стебли щекочут бока. Потом послушал, как косяк лещей ищет морских червей на мелководье. Затем решил взглянуть на остров и выпрыгнул из Моря. Один взмах плавников – и дельфин Наверху. Звуки здесь громче, пронзительнее, а Солнце не зеленое, а желтое. Но что бы дельфин ни искал, на поверхности этого загадочного чего-то не оказалось.

Плюхнувшись обратно в Море, дельфин оставил позади шумный, суетливый Край и устремился в прекрасную Глубокую Синеву. Свет здесь мягкий и прохладный, а главное – тихо: на мелководье не слышно даже собственных пощелкиваний. Дельфин уловил, как прищмокивают присоски на щупальцах осьминога. Хотел поймать, ведь осьминоги – его любимая добыча. Так весело выгонять их из нор! Но ощущение, будто надо что-то сделать, приклеилось, как рыба-прилипала, и никак не отпускает.

Чем глубже заплывает дельфин, тем холоднее и темнее становится Море. Он защелкал чаще, ловя звук, отражавшийся от подводных скал, покрытых кораллами. Кефаль в панике пустилась наутек, окуни заворчали, предупреждая друг друга о приближающемся хищнике. Но сегодня дельфину не до них. Он заплывал все глубже и глубже, щелкая все чаще и чаще, пока не достиг Черной Бездны. Вокруг не видно ни зги, зато по отражающимся звукам дельфин слышит и подводные горы, и долины, и движущихся в темноте незрячих существ. Здесь Море течет тяжело и медленно. Приятно отдохнуть на Глубине после шумной сутолоки Края. Но и тут дельфин не нашел того, что искал.

Поднимаясь обратно вверх, чтобы глотнуть воздуха, дельфин гадал, что делать дальше. Он всегда принимает решения быстро, хоть иногда и ошибается. Вот и теперь – не успел хвостом махнуть, а план уже готов. Сказав своим, что ненадолго отлучится, покинул стаю и смело ринулся прямо в открытое Море. Некоторое время ушло на то, чтобы освоиться: разобраться в какофонии непривычных звуков, попробовать на вкус незнакомые течения. Волны здесь поднимаются выше. Дельфину понравилось кататься на них вверх-вниз. Свист товарищей по стае постепенно затих вдали, но дельфин не испугался. Наоборот, ему не терпится посмотреть, что делается в открытом Море. Он самый молодой и любопытный в стае. Его всегда тянет на приключения.

А еще дельфин любит знакомиться с новыми существами, хотя многие из них совсем не приветливые. После нескольких неудачных попыток дельфин уяснил, что медузы жалятся, крабы щиплются, а играть с рыбой нечего и пытаться – все равно забудешься и ненароком проглотить пару штук. Больше всего дельфину понравилась встреча с тюленем. Они тогда славно поиграли, но потом тюлень вспомнил, что он тюлень, и уплыл. Зато когда дельфин хотел подружиться с самкой из другой стаи, ничего хорошего из этой затеи не вышло. Та боднула его в живот и больно цапнула за нос.

Вдруг дельфин услышал, как на Краю плавает что-то большое, грузное. Сначала принял за кита, но когда подплыл поближе, понял – нет, тут что-то другое. Хвоста у этой штуки нет, и сделана она из дерева. Люди!

Дельфину нравятся люди. Хотя, конечно, существа причудливые. Дыхала нет, разговаривают ртом, плавать не умеют, только бестолково барахтаются на Краю. Дельфин их жалеет: бедолаги, живут Наверху, на сухой земле. Вот уж не позавидуешь.

Зато люди смелые. А еще умные – почти как дельфины. Но лучше всего, когда они спускают на воду эти свои плавучие деревья. Если плыть впереди, их посудины подталкивают воду прямо под тебя. Несешься вперед быстро-быстро, и даже утруждаться не надо. Почти то же самое, что кататься на китовой волне, вот только киты очень злятся, когда крутишься у них перед носом.

Он радостно заскользил по волнам перед плавучим деревом. Люди сбегались поглядеть на дельфина. Что-то кричат, машут плавниками. Дельфин не понимает их глухой, неразборчивой речи, но чувствует: люди рады его видеть и настроены дружелюбно.

Тут дельфин сообразил, что уплыл слишком далеко от стаи. Надо поворачивать обратно. Однако в этот момент почувствовал, что не все люди на плавучем дереве веселы и счастливы.

Дельфин ее не видит, она скрывается глубоко внутри. Но дельфин чувствует, что это девочка: уже не маленькая, почти взрослая. Она испугана и очень рассержена. Дельфину ее жаль. Он бы помог, но не знает как.

Издалека донесся едва различимый свист. Товарищи по стае зовут его по имени. Как не вовремя! Ему хочется остаться рядом с людьми. Он так и не нашел того, что искал, но всеми плавниками чувствует: это загадочное что-то связано с людьми, и оно его по-прежнему ждет. Но притяжение стаи сильнее.

Прощаясь, дельфин выпрыгнул из моря и махнул хвостом. Люди помахали плавниками и зачем-то оскалились.

Снова погрузившись в прекрасную Глубокую Синеву, дельфин поспешил обратно к сородичам.

7

Пирра услышала всплеск возле противоположного борта и представила дельфина, ныряющего в Море. То, что это дельфин, она знает точно: моряки приветствовали его криками. Но выйти на палубу и посмотреть самой нельзя. Ее не велено выпускать.

В трюме жарко, пахнет миндалем и рвотой. Груз навален со всех сторон так, что не пошевелишься, а палуба покачивается возле самого носа.

От страха у Пирры перехватило дыхание. Девочка попыталась сделать вдох, но казалось, что воздуха слишком мало. Если корабль пойдет ко дну, она утонет. «Не думай об этом, – приказала себе Пирра. – Море спокойное. С чего бы нам тонуть?»

Стиснув в кулаке камень со своей личной печатью, девочка лежит и слушает, как хлопают паруса и скрипит оснастка. Они плывут уже целую вечность, и корабль мотает из стороны в сторону так, что Пирру мутит. Ее уже стошнило на тюк со льном. В темноте не разобрала на который. Вот бы на лучшие ткани матери! Поделом ей: не надо было запираť дочку в трюме.

До вчерашнего дня Пирра не видела Моря – и не увидела бы, будь воля Верховной жрицы. Когда Усерреф понес девочку на корабль, ей завязали глаза: это была часть наказания. Но перед тем как Пирру спустили в трюм, Усерреф нарушил запрет и снял повязку, чтобы девочка хоть одним глазком взглянула на Море.

С раннего детства Пирру окружали изображения Моря. Стены ее покоев украшала роспись: симметричные голубые волны, желтые зигзаги солнечных лучей, улыбающиеся дельфины, маленькие овальные рыбки, а по дну среди морских ежей и волнистых зеленых водорослей ползает глазастый осьминог.

Настоящее Море оказалось совсем не похоже на рисунки. Пирра вообразить не могла, что оно такое огромное и беспокойное.

Всю жизнь она слушала рассказы о том, что делается во внешнем мире, но ни разу там не бывала. Пирра выросла в Доме Богини, а это целый город на склоне холма: внутренние покои, дворы, склады, кухни, мастерские. Толпы народу снуют туда-сюда, будто пчелиный рой. Пирра даже прозвала Дом Богини каменным ульем. За пределы этого мирка ее не выпускали.

В покоях Пирры окна не было, только дверь, ведущая в сумрачный коридор. Но иногда девочке удавалось сбежать от рабов. Тогда она со всех ног неслась через Главный Двор и взлетала по лестнице на самый высокий балкон. Оттуда Пирра любовалась оливковыми рощами, виноградниками, ячменными полями, лесами и огромной двурогой горой, где живет Сотрясатель Земли.

«Потерпи, – говорила себе Пирра. – Вот исполнится тебе двенадцать, и только тебя здесь и видели. Умчишься на колеснице, будешь жить на Горе и заведешь собаку». Эти мысли помогали мириться с унылой жизнью. Яссассара пообещала: в двенадцать лет Пирра покинет Дом Богини. В ночь перед двенадцатым днем рождения девочке не давало уснуть радостное предвкушение.

А наутро Пирра узнала правду.

– Ты же обещала, что отпустишь! – кричала она в лицо матери.

– Ничего подобного, – холодно возразила Яссассара. – Я обещала, что ты покинешь Дом Богини. Так и будет. Сегодня ты отплываешь в Ликонию. Там ты выйдешь замуж.

Пирра бесновалась, кусалась, вопила, но в глубине души понимала, что все это ей не поможет. Воля Верховной жрицы Яссассары тверда, как гранит. Эта женщина правит Кефтиу

семнадцать лет и готова пожертвовать чем угодно, лишь бы государство оставалось сильным, – даже родной дочерью.

В конце концов Пирра притихла. В мрачном молчании позволила женщинам нарядить себя в пурпурную тунику, расшитую золотом. А когда вошел Усерреф, даже не взглянула в его сторону. Раб, заменивший ей старшего брата, тоже предал ее. Участвовал в обмане.

– Прости, – тихо, почти шепотом произнес Усерреф. – Мне запретили рассказывать...

– Давно ты знаешь? – не глядя на него, спросила Пирра.

– С позапрошлого сезона урожая.

– Два года?

Усерреф молчал.

– Так вот зачем ты уговорил меня учить акийский язык, – с горечью проговорила Пирра. – «Старый ткач нас научит», «будет весело», «надо же как-то время скоротать»!

– Подумал, быстрее освоишься, если будешь знать тамошний язык.

– Радовалась скорой свободе, а ты молчал!

Нахмурившись, Усерреф разглаживал на коленях юбку.

– Должна же у человека быть мечта, – пробормотал он. – У всех есть мечты. Они нас поддерживают.

– Даже если эти мечты не сбудутся?

– Даже тогда.

Пирра холодно велела ему убраться прочь и только потом сообразила, что он говорил о себе. Десятилетним мальчиком Усеррефа похитили, увезли из родного Египта и продали в рабство. Он прослужил в Доме Богини тринадцать лет и все это время отчаянно тосковал по дому.

Пирра неловко попыталась расположиться поудобнее среди тюков. Перед отплытием Усерреф дал ей бурдюк. Девочка умылась, как могла, но запах и вкус рвоты никуда не делись.

В темноте Пирра постаралась разглядеть богатые дары для вождя Ликонии. Ее приданое. Кувшины высотой в человеческий рост, полные крепкого черного вина, тюки крашенных тканей, алебастровые сосуды с ароматными маслами, распространяющими по трюму запах миндаля, оловянная посуда. Пирра едва не задохнулась от гнева. Если подумать, она ведь тоже часть груза.

Мать все продумала, прежде чем наказать дочь за неповиновение. Пирра страдает от неудобств и унижения, но и только: никакого вреда ей не причинили. Яссассара распорядилась: в Ликонии высаживаться в стороне от прибрежных поселений и привести невесту в порядок, прежде чем та предстанет перед вождем.

Накануне отплытия Усерреф пытался успокоить Пирру.

– Меня тоже отправляют в Ликонию, – говорил он. – Будешь не одна.

Эти слова ее немного ободрили, и все же стоит подумать о будущем, и от страха становится нечем дышать.

Об Акии Пирра знает очень немного. Эта земля лежит далеко к северу от Кефтиу, населяют ее воинственные дикари. Доверять им нельзя, они себе на уме. Ликония, южная часть Акии, – самая дикая из тамошних областей. Дома Богини там не возводят, а народом правят не жрицы, а вожди, живущие в крепостях. И Пирра тоже будет жить в крепости. Мать сказала, что отныне там ее дом, и крепость она покинет только в гробу.

Пирру снова охватила паника. Из одной каменной тюрьмы в другую!

– Выпустите меня! – закричала Пирра, молотя кулаками по доскам.

Никто не откликнулся.

«Ты не в трюме, – сказала себе Пирра. – Ты летаешь по небу вместе с соколом».

Зажмурившись, Пирра вспомнила тот момент, когда Усерреф снял повязку, и девочка застыла на палубе, жмурясь от яркого света. А потом впервые увидела Море. Белые голуби кружили над золотистым берегом, зеленые паруса развевались на фоне бескрайнего голубого неба.

Тогда Пирра и заметила сокола. Вытянув шею, разглядывала облака и тут услышала странный клич. Звук был такой, будто треснуло шелковое полотно. Что-то темное на секунду загородило Солнце, а потом стремительно ринулось вниз. Голуби метнулись в разные стороны, но враг оказался намного быстрее. Не успела Пирра и глазом моргнуть, а грозная птица уже нанесла удар. Описала изящную дугу, вышла из пике и полетела прочь с мертвым голубем в когтях.

– Кто это? – с почтением спросила Пирра.

Усерреф поклонился удаляющейся черной точке.

– Херу, – прошептал он на родном языке. – Да будет Он жить вечно.

– Он вылетел прямо из Солнца, – тоже понизила голос Пирра. – Где он живет?

– Нигде и везде. Там, где захочет. Это же сокол.

Жить, где захочешь... Свободно перелетать с места на место...

– Никогда не видела, чтобы птица так быстро летала, – сказала Пирра.

– И не увидишь. Соколы – самые быстрые существа на свете.

Свернувшись калачиком в темном трюме, Пирра погладила пальцами личную печать. На аметисте вырезана крошечная фигурка птицы. Раньше Пирра думала, что это воробей, но теперь поняла: нет, это сокол.

И вдруг Пирра вообразила, что она сама сокол. Вот она сидит на мачте корабля, а потом расправляет крылья и улетает прочь. У девочки даже дыхание перехватило. До сих пор Пирра о побеге не задумывалась. Да и зачем? Девочка верила обещанию матери и ждала, что скоро ее выпустят на свободу. Но что, если... Что, если она сумеет добыть желанную свободу сама? Пирра оживилась. Мысли закружились в голове бурным водоворотом.

Даже если она сбежит, в чужом краю быстро пропадет. Значит, надо вернуться на Кеф-тиу. А раз так, то свадьбе не бывать, пусть сын ликонианского вождя ищет другую невесту.

Но проще решить, чем сделать.

И тут девочку осенило. На пиру по случаю нового урожая ячменя мать заметила трещину в одном из жертвенных сосудов. «Выбросите», – пренебрежительным тоном распорядилась Верховная жрица. Раб взял сосуд и сбросил со стены. Пирра поднялась на верхний балкон, чтобы посмотреть, как сосуд лежит среди алых маков. Девочка даже позавидовала ему. Конечно, он несовершенно, зато благодаря изъяду покинул Дом Богини. А теперь Пирра продолжила эту мысль.

То, что испорчено, не имеет ценности для Яссассары. От всего, что не соответствует высоким требованиям, избавляются.

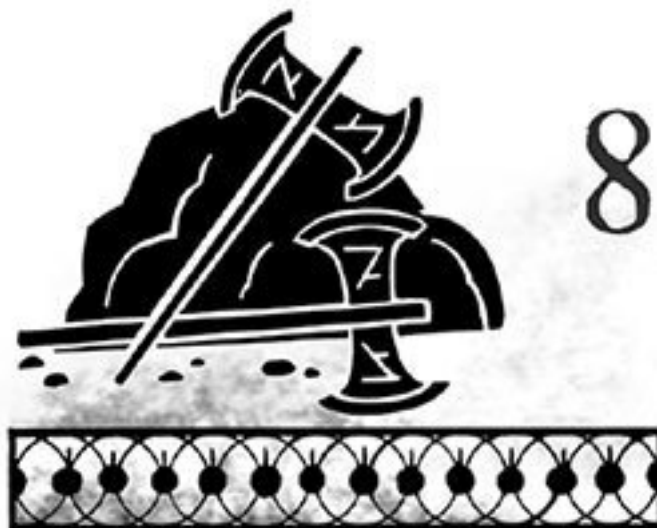
От раздумий и планов Пирру отвлекли изменения в движении корабля. Раньше перекачивался с боку на бок, а теперь покачивается вверх-вниз. Вот моряки перекликаются между собой. Потом послышался громкий скрежет. Должно быть, втягивают весла. Тут люк над головой Пирры поднялся, и она с наслаждением вдохнула полной грудью соленый воздух. Усерреф склонился над люком, протянул девочке руку и помог вылезти на палубу.

Яркое Солнце бьет по глазам. Волны с плеском накатывают на берег. Где-то каркнула ворона.

– Мы ч-что, уж-же в Л-Ликонии? – вдруг начала заикаться Пирра.

Усерреф крепко сжал ее пальцы в своих.

– Мужайся, Пирра, – произнес раб. – Теперь твой дом здесь.

8

Ворона, сидевшая в терновнике, уставилась на Гиласа блестящими, недобрыми глазами. – Кыш, – пропыхтел мальчик.

Та насмешливо закаркала. Да и немудрено: путь, на который у него ушел день, птица может пролететь, пока он мимоходом утирает пот со лба. Берег покрывают колючие заросли утесника. От мастиковых деревьев так воняет дегтем, что глаза слезятся. Да еще и Солнце печет вовсю. Бурдюк с водой уже давно опустел. Море как будто дразнит мальчика: столько воды, а для питья непригодна.

Гилас зол на себя: угораздило же так глупо лишиться плота! Отошел всего-то на минутку, осмотрел берег, а когда вернулся, плот отнесло так далеко, что догнать его нечего было и надеяться. А раз плот забрало Море, пришлось целый день карабкаться по каменистым утесам.

«Возьмем лодку, на веслах проплывем вдоль побережья, высадимся по другую сторону Гор и оттуда пойдем пешком», – так сказал Теламон.

«Возьмем лодку»! Спрашивается, откуда? Кроме нескольких пастушеских хижин на склонах холмов, человеческого жилья вокруг не видно. А Исси уже третий день одна в Горах.

Ворона опять захохотала. Гилас швырнул в нее камень. Птица взмыла в небо и полетела прочь. Причем двигалась по четкому курсу, будто доставляла послание.

«Эх, не надо было бросать камень», – подумал Гилас.

В бухте покачивается на волнах корабль гигантских размеров. Лодки Гилас видел, но эта штука, пожалуй, раз в десять больше. Нос заостренный, как птичий клюв, на нем желтой краской нарисовано огромное всевидящее око. Из бортов торчат весла, будто ноги чудовищной сороконожки, а прямо из палубы растет дерево с широкими зелеными крыльями. Как-то раз Теламон рассказывал, что у некоторых кораблей есть крылья и суда летают на них по воде, словно птицы по небу. Гилас тогда решил, что друг сочиняет.

Внизу, у воды, люди ставят шатры. Некоторые идут в сосновый лес за хворостом. Гилас пригляделся: нет, это не Вороны, а кефтийцы. Мужчины похожи на молодого человека в гробнице: безбородые, одеты в юбки со спиральными узорами, на поясах ремни. А какое у них оружие – бронзовые топоры с двусторонним лезвием в форме двух соприкасающихся полумесяцев! Но хозяева небрежно прислонили эти великолепные предметы к валунам. Может, думают, что топоры не понадобятся? Неужто не слыхали про Воронов? Или не боятся?

И тут сердце у мальчика забилося быстро-быстро: возле кормы, будто теленок возле коровы, привязана деревянная лодка! Вот она, покачивается на мелководье... Пожалуй, Гиласу по силам до нее доплыть.

Когда стусились сумерки, мальчик спустился по склону и спрятался в кустах между шатрами кефтийцев и лесом. Затаился и стал ждать.

Кефтийцы привезли с собой скот. Гилас наблюдал, как они зарезали и освежевали молодую овцу. Пока мясо шипело на решетке, вытянули сеть с рыбой, выпотрошили улов и оставили поджариваться на углях. А тем временем плеснули вина из кувшина, смешали с водой, поджаренной ячменной мукой и рассыпчатым сыром. Вскоре от аппетитных запахов баранины и жира у мальчика закружилась голова.

Тут из самого высокого шатра вышла женщина. Гилас понял – украсть лодку будет сложнее, чем он рассчитывал.

Перед ним стояла не просто женщина, а жрица. На облегающем зеленом платье вырез, обнажающий грудь. Шею обхватывает ожерелье из кроваво-красных камней размером с голубиное яйцо. Подол, доходящий до щиколоток, – словно Море из пурпурных и синих волн, усыпанных крошечными сверкающими рыбками. Золото на платье горит, будто Солнце. Змеи, обвившиеся вокруг плеч, тоже из золота. В черные кудрявые локоны вплетены такие же золотые змеи. Длинные острые ногти желтые, как ястребиные когти, а высокомерное лицо выкрашено белоснежной краской.

Даже с двадцати шагов Гилас ощутил: от жрицы исходят сила и властность. И что теперь? Обокрасть служительницу богов? Хуже проступка не придумаешь. Да и кто знает, какие проклятия она найдет на воришку?

Раб протянул жрице чашу из такого прозрачного камня, что она казалась наполненной светом. Произнося что-то нараспев на своем причудливом гортанном наречии, жрица плеснула вина в огонь, потом приблизилась к воде и бросила в волны кусочки жира.

Подношения принесены, а значит, можно приступать к трапезе. Мужчины расселись у костра, а жрица осталась стоять у кромки воды. Она глядела на Море.

Ворона ринулась вниз, схватила кусочек жира и улетела. Жрица внимательно посмотрела ей вслед. У Гиласа сердце ушло в пятки. Мальчику вдруг показалось, будто это та самая ворона, в которую он кинул камнем, и она пожаловалась на него жрице.

И действительно – жрица повернула голову и посмотрела в ту сторону, где он прятался. Мальчик застыл, будто каменный. Почувствовал на себе суровый взгляд. Трудно сопротивляться его силе. Так и тянет выскочить из кустов и сдаться. Гилас отчаянно боролся с этим позывом, и тут из шатра выбежала девочка и сердито крикнула что-то на кефтийском. Все, включая жрицу, повернулись к ней. Гилас вздохнул с облегчением. На этот раз обошлось.

У девочки такие же темные глаза и кудрявые волосы, как у жрицы. Наверное, мать и дочь. Но если женщина напоминает грациозную хищную птицу, то девочка – всего лишь тощий неоперившийся птенец. На ней пурпурная туника, расшитая блестящими золотистыми пчелами. Одежда праздничная, но лицо мрачнее тучи. Вот она зашагала навстречу матери, выкрикивая что-то злое на непонятном языке.

Жрица произнесла одно только слово и взмахнула рукой, и девочка осеклась и застыла, дрожа от едва сдерживаемого гнева. Жрица снова повернулась к Морю. Дочь не добила от нее того, чего хотела.

Молодой человек – должно быть, раб – подошел к девочке и дотронулся до ее плеча, но та стряхнула его руку. На кефтийца парень не похож. Да и вообще, Гилас таких людей не встречал. Кожа красновато-коричневая, глаза густо обведены черной краской. На парне юбка из небеленого льна и амулет в виде широко распахнутого глаза. Лицо чисто выбрито, но для кефтийцев это, похоже, обычное дело. Гораздо больше Гиласа удивила гладкая, как шар, коричневая голова.

Вот раб опять положил руку девочке на плечо и указал в сторону шатра. Тут она поникла, сдалась и последовала за ним.

Между тем вино оказало свое действие: в лагере кефтийцев стало шумно. Мужчины, покачиваясь, заходили за деревья, потом возвращались к огню. Вот показалась Луна. Наконец гул голосов затих, и в шатрах стало темно. У костра остался всего один стражник, но вскоре и он захрапел.

Затаив дыхание, Гилас прокрался мимо шатров и нырнул за высокий валун в нескольких шагах от огня. Осталось преодолеть самый опасный отрезок пути: прибрежную гальку. Жаль только, Луна ярко светит.

Мальчик собрался было совершить последний рывок, но вдруг из шатра жрицы выскользнула темная фигура и устремилась в его сторону. Гилас сразу узнал девчонку. Только ее не хватало! «Принесло же тебя на мою голову!» – про себя ругался Гилас.

Вот она подошла совсем близко. Даже стало слышно позвякивание браслетов. У Гиласа замерло сердце. Но дочка жрицы его не заметила. Подошла к костру, остановилась и уставилась на огонь так, будто именно его винила во всех своих бедах. Кулаки плотно сжаты, тело напряжено, как натянутая струна.

«Видно, с жиру бесится», – подумал Гилас. Где-то в Горах борется за жизнь Исси, а у этой богатой девчонки есть все, чего душа пожелает: рабы, роскошные одежды, а мяса столько, что не съесть. Жила бы да радовалась, так нет – все равно чем-то недовольна!

Вдруг девочка вытащила из огня головню и подула на нее. Кончик засветился красным. Она устремила на тлеющий кусок дерева такой пристальный, неподвижный взгляд, что Гиласу стало не по себе.

Худая грудь девочки то вздымается, то опускается. Гилас заметил, что на ее тунику нашиты не золотые пчелы, как ему сперва показалось, а крошечные топорики с двойным лезвием. А девочка все не сводит глаз с головни. Может, у кефтийки не все дома?

Вдруг она набрала полную грудь воздуха и... прижала головню к щеке, будто клеймила саму себя. Но уже через мгновение вскрикнула и отшвырнула деревяшку. Гилас вздрогнул от неожиданности. Девчонка заметила движение и повернулась к нему. Их взгляды встретились. Она закричала. Стражник проснулся, увидел Гиласа и стал звать остальных. Кефтийцы один за другим выбегали из шатров.

И тут из леса показались воины. Вороны! Притаились, а теперь вышли! Мальчик с ужасом понял, что все это время, сам того не подозревая, находился в нескольких шагах от лагеря врага.

Один из воинов вышел на берег, огляделся и сразу выперил из толпы Гиласа. Остановил взгляд на поврежденной мочке уха. Закричал:

– Чужак!

Проскочив мимо девчонки, Гилас со всех ног понесся к Морю и прыгнул в волны. Ушел под воду с головой, но тут же вынырнул, отплеываясь. С берега доносились вопли и топот бегущих ног. Мешок с провизией и бурдюк тянули мальчика на дно. Пришлось бросить и то и другое. Над головой засвистели стрелы. Гилас нырнул, зажмурился и вслепую поплыл к лодке.

Вот рука задела дерево. Кое-как перебравшись через борт, Гилас отвязал веревку, нащупал весла и принялся неумело грести. Только бы уплыть подальше от берега! Но Гилас привык к легким тростниковым плотам, а лодка оказалась намного тяжелее и неповоротливее. Вдобавок посудина то и дело подсакивала на волнах, и справиться с ней было труднее, чем с упрямым ослом.

Гилас оглянулся. На берегу спускали на воду еще одну лодку. Только этого не хватало! Не успел мальчик и глазом моргнуть, а воины уже запрыгнули на борт и схватились за весла. На носу сидел лучник. Вот он прицелился... Гилас пригнулся. Стрела вонзилась в борт и застряла, подрагивая.

Беглец греб так отчаянно, что казалось – вот-вот порвутся мышцы. «Дурак!» – ругал он себя. Для кефтийцев Вороны не враги и не угроза: они заодно!

Гилас с трудом пытался обогнуть чернеющий в темноте мыс, и тут лодку подхватило сильное течение. Ее понесло прямо к белой стене тумана. Все вокруг окутала плотная пелена, и крики воинов сделались приглушенными, едва различимыми. Море помогло Гиласу!

Надежда придала мальчику сил. Он заработал веслами энергичнее, все дальше заплывая в густое марево. Через некоторое время Гилас замер, прислушиваясь. Ни голосов, ни взмахов весел. Слышно только плеск волн о борта лодки и собственное прерывистое дыхание.

– Спасибо, – прошептал Гилас, обращаясь к неизвестным духам.

Он греб, пока не выбился из сил. Кое-как втащил весла в лодку и свернулся калачиком на дне. От сырости туника прилипла к телу. А Море между тем нежно укачивало его на своей соленой груди...

Гиласу приснилась девчонка-кефтийка. Даже во сне он разозлился: и здесь от нее покоя нет! Она стояла на берегу, размахивала горячей головней и злорадно ухмылялась.

– Где моя сестра? – прокричал Гилас.

– Не ищи, не найдешь! – пропела та, дразня его. Во сне Гилас понимал по-кефтийски. – Сам виноват – пошел не в ту сторону! Теперь не встретитесь!

Рука девчонки росла, становясь все длиннее и длиннее. Вот она ткнула головней в борт лодки и прожгла дыру. Внутри хлынула вода. А сумасшедшей хоть бы что – только хохотала:

– Люди-с-плавниками поймали Исси, и тебя тоже схватят!

Гилас вздрогнул и проснулся.

Туман рассеялся. Небо светлеет. Волны покачивают лодку. Гилас сел, сонно моргая. На востоке уже пробуждается Солнце: небо окрашивается предрассветными красками. А на западе... На западе больше не видно берега. В панике Гилас повернулся на север... на юг... на восток... опять на запад.

Земли нигде нет. Вокруг одно бескрайнее Море.

9

Ночью Море шумит иначе, чем днем. Пирре кажется, будто оно над ней смеется. Хотела сбежать от судьбы, но не тут-то было. Пирра рассудила так: если изуродует лицо, свадьбы не будет. Но нет – зря только обожглась.

Щека пылает от боли. Пирра все вспоминает момент, когда прижала головню к коже. Запахло горелой плотью. А потом откуда-то взялся дикарь, который паялился на нее из темноты. И все оказалось напрасно.

– Возьми, – велел Усерреф.

Раб стоит на коленях у входа в ее шатер, держа полоски тонкого льна и мелкую алебастровую миску с какой-то зеленой жижей. На плаще Усеррефа капельки от влажного тумана. И подбородок, и затылок обросли темной щетиной. На красивом лице ясно читается осуждение. Как и все египтяне, Усерреф верит, что красота – дар богов. Считает, что Пирра совершила кощунство.

– Что это у тебя? – спросила Пирра.

– Целебная мазь, о избранная.

Плохо дело. Так официально он к ней обращается, только когда очень зол.

Ни слова не говоря, Усерреф протянул ей миску и сел на пятки. Пирра погрузила палец в жижу, потерла щеку. Стало еще больнее. Пирра изо всех сил сдерживалась, чтобы не разреветься.

– Не так, – пробормотал Усерреф. Выхватив у Пирры миску, обмакнул в мазь полоску льна, запрокинул голову девочки и положил влажный компресс на ожог. Пирра так плотно стиснула челюсти, что зубы чуть не раскрошились.

Усерреф нахмурился еще сильнее.

– Останется шрам.

– Для этого и старалась, – проворчала Пирра.

– Зачем? Придет же такое в голову!

– Думала, никому не нужна невеста с изъяном. Увидят и отправят обратно, а по пути сбегу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.